

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКИ

3-2023

Главный редактор: Коваль Е.А. (Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Саранск, Россия)

Редакционная коллегия:

Беляева Е. В. – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь);

Жадунова Н. В. – кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Зимбули А. Е. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;

Каминский А. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики и судебных экспертиз Удмуртского государственного университета;

Кулешова Г. П. – доктор социологических наук, профессор, директор Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Логинов А. В. – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Осмонова Н. И. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, Киргизская (Кыргызская) Республика);

Подольный Н. А. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Романовский Г. Б. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовное право» Пензенского государственного университета;

Саликжанов Р. С. – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан);

Спринчан С. Л. – доктор хабилитат политических наук, доцент, ученый секретарь Института юридических, политических и социологических исследований (г. Кишинев, Республика Молдова);

Суслов И. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии;

Сычев А. А. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Ушкин С. Г. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»;

Федосеев Р. В. – доктор исторических наук, доцент, директор Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Фофанова К. В. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Чекушкина Е. Н. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева;

Шатино Л. Г. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии;

Шигуров А. В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Юрченкова Н. Г. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и философии Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске.

Периодичность: 4 раза в год.

Выходит с 2019 года. До 2021 года журнал выходил под названием «Российский хороший журнал».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:
ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Адрес редакции: Российская Федерация, 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, д.6
e-mail: snpractice13@gmail.com;
сайт: <https://snpractice.ru/>

Editor-in-Chief: Ekaterina A. Koval (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia

Editorial Board:

Elena V. Belyaeva (Belarusian State University), Minsk, Belarus;
Natalya V. Zhadunova (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;
Andrey E. Zimbali (Herzen State Pedagogical University of Russia), St. Petersburg, Russia;
Alexander M. Kaminsky (Udmurt State University), Izhevsk, Russia;
Galina P. Kuleshova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;
Alexander V. Loginov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;
Nurgul I. Osmonova (Kyrgyz-Russian Slavic University), Bishkek, Kyrgyzstan;
Nikolay A. Podolny (Kazan Law Institute (branch) of of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Kazan, Russia;
Georgy B. Romanovsky (Penza State University), Penza, Russia;
Rinat S. Salikzhanov (L.N. Gumilyov Eurasian National University), Astana, Kazakhstan;
Sergey L. Sprinchan (Institute of Legal, Political and Sociological Research, The Academy of Sciences of Moldova) Kishinev, Moldova;
Ivan V. Suslov (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;
Andrey A. Sychev (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;
Sergey G. Ushkin (Scientific Centre for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia), Saransk, Russia;
Roman V. Fedoseev (Kaluga Law Institute (branch) of of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Kaluga, Russia;
Katerina V. Fofanova (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;
Elena N. Chekushkina (Yevseyev Mordovia State Pedagogical University), Saransk, Russia;
Ludmila G. Shapiro (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;
Alexander V. Shigurov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;
Nina G. Yurchonkova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia.

Founder: All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Publisher: Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Frequency: 4 times per year

First issue: 2019. Until 2021, the journal was published under the name «Russian Good Journal».

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. EL № FS 77 — 74637 on December 24, 2018

Editorial address: 6 Fedoseenko Str., Saransk 430003, Russian Federation
e-mail: snpractice13@gmail.com;
website: <https://snpractice.ru/>.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Шигуров А.В.</i> Проблемы правового регулирования предмета судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ	7
---	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Касаткина Н.П.</i> Удовлетворенность работой и субъективное благополучие жителей села	25
<i>Федосеева М.В.</i> Факторы удовлетворенности качеством жизни в региональном социуме	36

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Жадунова Н.В.</i> Цифровые трансформации и новая этика: формирование новых норм или моральная деградация	46
<i>Коваль Е.А.</i> Большие данные и большие вызовы социальному воображаемому	54
<i>Сычев А.А.</i> Ценность доверия в эпоху искусственного интеллекта и новой этики: проблемы и вызовы	64

TABLE OF CONTENTS

LEGAL SCIENCES

<i>Shigurov A.V.</i> Problems of legal regulation of the subject of judicial control in accordance with article 165 of the Code of criminal procedure of the Russian Federation	7
---	---

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Kasatkina N.P.</i> Subjective well-being of villagers: a factor of job satisfaction	25
<i>Fedoseeva M.V.</i> Factors of satisfaction with the quality of life in regional society	36

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Zhadunova N.V.</i> Digital transformations and new ethics: formation of new norms or moral degradation	46
<i>Koval E.A.</i> Big data and big challenges to the social imaginary	54
<i>Sychev A.A.</i> The value of trust in the era of artificial intelligence and new ethics: problems and challenges	64

УДК 343.3

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-07-24

А. В. Шигуров

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: arshigurov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ПОРЯДКЕ СТ. 165 УПК РФ

В статье рассмотрен ряд актуальных проблем, связанных с правовым регулированием предмета судебного контроля, осуществляемого в досудебном производстве в порядке ст. 165 УПК РФ. Автор дает обзор позиций современных ученых по вопросу о необходимости сокращения или увеличения круга следственных действий, требующих судебного санкционирования. Проведена классификация следственных действий в зависимости от наличия или отсутствия конституционных норм, требующих предварительного судебного санкционирования. Автор указывает на наличие коллизий в правовом регулировании судебного санкционирования следственных действий в отношении адвоката, выявлены противоречия в нормах УПК РФ и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», выделены особенности правовых позиций Конституционного Суда РФ по данному вопросу.

Автор предлагает исключить из ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ обязательное условие для производства в отношении адвоката обыска, осмотра и выемки – наличие возбужденного в отношении него уголовного дела или привлечение адвоката в качестве обвиняемого. С учетом наличия в действующем законодательстве дополнительных гарантий защиты адвокатской тайны и обеспечения законности при производстве данных следственных действий в виде предварительного судебного контроля, наличия представителя адвокатской палаты субъекта РФ, рассматриваемое условие производства следственных действий представляется избыточным и препятствующим достижению целей уголовного судопроизводства.

Применительно к иным следственным действиям, не указанным в ст. 450.1 УПК РФ, УПК РФ должен быть дополнен нормой о предварительном судебном контроле за следственными действиями и неразрывно связанным с ним приводом адвоката по делу его доверителя. Важно защитить адвоката от таких недобросовестных средств вывода адвоката-защитника из дела его доверителя, которые используются на практике некоторыми следователями, дознавателями.

Если же следственные действия проводятся в отношении адвокатов по другим уголовным делам, в том числе возбужденным в отношении них, предоставление им дополнительных гарантий в виде предварительного

судебного контроля является необоснованным, поскольку расходится с требованиями принципа равенства перед законом и судом.

Ключевые слова: судебный контроль, судебное санкционирование, суд, следственное действие, обыск, выемка, осмотр, допрос, адвокат, защитник

A. V. Shigurov

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: arshigurov@mail.ru

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE SUBJECT OF JUDICIAL CONTROL IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 165 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers a number of topical issues related to the legal regulation of the subject of judicial control carried out in pre-trial proceedings in accordance with Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The author gives an overview of the positions of modern scientists on the need to reduce or increase the range of investigative actions requiring judicial authorization. The classification of investigative actions is carried out depending on the presence or absence of constitutional norms requiring preliminary judicial authorization. The author points out the existence of conflicts in the legal regulation of judicial authorization of investigative actions against a lawyer, contradictions in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law “On Advocacy and the Bar in the Russian Federation” are revealed, the peculiarities of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue are highlighted.

The author proposes to exclude from Part 1 of Article 450.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation a mandatory condition for conducting a search, inspection and seizure against a lawyer – the presence of a criminal case initiated against him or the involvement of a lawyer as an accused. Taking into account the existence in the current legislation of additional guarantees for the protection of attorney-client privilege and ensuring legality in the production of these investigative actions in the form of preliminary judicial control, the presence of a representative of the Chamber of Advocates of the subject of the Russian Federation, the condition under consideration for the production of investigative actions seems excessive and hinders the achievement of the goals of criminal proceedings.

In relation to other investigative actions not specified in Article 450.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Code should be supplemented by the norm on preliminary judicial control over investigative actions and the inextricably linked to it by the compelling appearance of a lawyer on the case of his principal. It is important to protect the lawyer from such unscrupulous means of withdrawal of the lawyer-defender from the case of his principal, which are used in practice by some investigators, interrogators.

If investigative actions are carried out against a lawyer in other criminal cases, including those initiated against them, providing them with additional guarantees in the form of preliminary judicial control is unreasonable, since it is at odds with the requirements of the principle of equality before the law and the court.

Keywords: judicial control, judicial authorization, court, investigative action, search, seizure, inspection, interrogation, lawyer, defender

Введение

Судебный контроль в досудебном производстве является одной из новых функций суда в уголовном судопроизводстве. Несмотря на новизну и несовершенство процессуального регулирования данного направления деятельности суда [Азаров, 2002:7; Азаров, Нурбаев, 2021: 46], он выступает важной гарантией защиты прав человека в уголовном процессе [Насонова, Владимирова, 2020: 213] и активно используется органами предварительного расследования, иными участниками уголовно-процессуальной деятельности для решения стоящих перед ними задач.

В настоящее время сложилось три основные формы судебного контроля на досудебном производстве по уголовному делу:

а) рассмотрение жалоб на незаконные и (или) необоснованные решения, действия (бездействие) органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ;

б) принятие судом по ходатайству лиц, ведущих производство по уголовному делу, иных уполномоченных участников решений об избрании мер процессуального принуждения в порядке, установленном разделом IV УПК РФ;

в) принятие судом по ходатайству лиц, ведущих производство по уголовному делу, решений о производстве следственных и иных процессуальных действий в порядке ст. 165 УПК РФ.

В данной статье рассмотрим подробнее ряд проблем, связанных с определением предмета последней формы судебного контроля, которая в научной литературе получила наименование судебного санкционирования следственных действий [Машинникова, 2018: 828; Татьяна, Машинникова, 2022: 553].

Опубликованные данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2022 г. показывают, что в прошлом году судами было рассмотрено 672,9 тыс. ходатайств следователей, дознавателей о производстве следственных действий, из которых 546,9 тыс. (95,5 %) было удовлетворено, 12,1 тыс. (2,1 %) отклонено и 14 тыс. (2,4 %) ходатайств было отозвано, возвращено должностным лицам, направлено по подсудности либо производство по рассмотрению ходатайств было прекращено без вынесения решения по существу¹. Подробные

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 10.09.2023).

данные о результатах рассмотрения отдельных видов ходатайств приведены в таблице 1.

Таблица № 1 – Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ о рассмотрении ходатайств о производстве следственных (и иных процессуальных) действий, заявленных на досудебном производстве по уголовному делу в порядке ст. 165 УПК РФ

Виды ходатайств о производстве следственных (и иных процессуальных) действий, заявленные в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ	Рассмотрено	Удовлетворено	Отказано	Прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности	Доля удовлетворенных (в %)
о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	40 409	38 685	957	767	95,7
о производстве обыска и (или) выемки в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	129 355	123 432	3 104	2 819	95,4
о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи (п. 5.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	3 536	3 422	24	90	96,8
о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в соотв. со ст. 450.1 УПК РФ (п.5.2. ч.2 ст. 29 УПК РФ)	427	412	11	4	96,5
о производстве личного обыска (п. 6 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	967	924	23	20	95,6
о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	36 615	34 923	628	1 064	95,4
о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну (п. 7 ч.2 ст.29 УПК РФ)	40 619	39 650	246	723	97,6
о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи (п. 8 ч.2 ст. 29 УПК РФ)	3 898	3 770	46	82	96,7
о контроле и записи телефонных и иных переговоров (п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	23 997	23 080	313	604	96,2
о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (п. 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)	246 486	239 009	2 572	4 905	97,0

Рассмотрим в данной статье ряд актуальных проблем определения предмета судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ.

Методы

При анализе проблем правового регулирования судебного контроля за следственными действиями были использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы научного познания.

Результаты

В современной уголовно-процессуальной науке нет единства по вопросу о том, какие следственные и иные процессуальные действия должны входить в предмет судебного контроля.

Многие исследователи обосновывают позицию о том, что сформированный в современной России институт судебного контроля не оптимален и необоснованно ограничивает процессуальную самостоятельность и независимость следователя [Багаутдинов, 2002: 54; Шабунин, 2013: 11; Быков, Манова, 2015: 44-46]. В связи с этим, например, М.Е. Токарева предлагает существенно сократить перечень процессуальных действий, подлежащих судебному санкционированию [Токарева, 1998: 14]. Высказываются и более радикальные предложения о необходимости полного упразднения судебного контроля, осуществляемого в порядке ст. 165 УПК РФ [Каретников, Арзамасцева, 2011: 43].

В.М. Быков, Ю.К. Якимович, обоснованно отмечая, что судебный контроль создает правовые преграды для своевременного проведения следственных действий, снижает эффективность процессуальной деятельности органов предварительного расследования, делают вывод о необходимости устранения предварительного судебного контроля за следственными действиями; по мнению авторов он может быть только последующим, проводимым по жалобам участников уголовного процесса, полагающих, что их права и законные интересы были затронуты проведенным следственным действием [Быков, 2007: 74; Якимович, 1998: 3].

Ряд исследователей видят проблему института судебного контроля при санкционировании следственных и иных процессуальных действий в том, что при их осуществлении суд оказывается вовлеченным в деятельность по осуществлению уголовного преследования, что мешает ему сохранять объективность и беспристрастность при рассмотрении уголовного дела по существу [Азаров, Ревенко, Кузембаева, 2006: 143; Быков, 2014: 50-80]. Е.Е. Антонова в целом делает вывод о том, что на суд в настоящее время возложены две дисгармонирующие функции по осуществлению правосудия и судебного контроля; осуществляя последнюю суд оказывается причастным к уголовному преследованию, возмещению ущерба, причиненного преступлением, профилактике преступлений, что противоречит основному предназначению суда по объективному рассмотрению уголовного дела по существу [Антонова, 2006: 8].

Нам представляется более верной позиция К.А. Рыгаловой, которая глубоко исследовав проблему утраты объективности судом и ссылаясь на многочисленные исследования, подтверждающие невольное формирование у судьи при осуществлении судебного санкционирования следственного действия внутреннего убеждения по вопросам виновности, преступности деяний обвиняемого, подозреваемого [Колоколов, 2014: 28-38; Буланова, 2004: 96; Погодин, 2016: 367], делает обоснованный вывод о необходимости введения законодательного запрета на рассмотрение и разрешение уголовного дела по

существу в судебном разбирательстве тем же судьей, который на досудебном производстве санкционировал следственные и иные процессуальные действия [Рыгалова, 2018: 82-83].

Не менее распространенной является и позиция о важности сохранения и развития института судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ. А.С. Сбоев справедливо замечает, что цель данного вида судебного контроля заключается именно в предупреждении нарушений органами и должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование, прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства [Сбоев, 2005: 99-102]. Профессор А.В. Смирнов предлагает распространить судебный контроль на действия и решения органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, по предъявлению обвинения, применению всех мер процессуального принуждения; в форме судебного заседания должны легализовываться представленные сторонами доказательства [Смирнов, 2000: 50-58]. В.А. Горленко предлагает ввести предварительный судебный контроль за законностью прекращения и приостановления уголовных дел [Горленко, 2008: 12]; В.В. Бородинов – за законностью и обоснованностью применения подписки о невыезде [Бородинов, 2006: 37-41].

При совершенствовании предмета судебного контроля, осуществляемого судом в порядке ст. 165 УПК РФ, важно учитывать, что отнесение к нему тех или иных видов решений лишь частично предопределено нормами Конституции РФ. Принцип осуществления правосудия только судом не ограничивает возможность законодателя с учетом интересов общества и государства изменять перечень следственных и иных процессуальных действий, указанных в статьях 29 и 165 УПК РФ, поскольку в данном случае под правосудием по уголовным делам понимается лишь деятельность суда по рассмотрению уголовных дел по существу с разрешением вопроса о виновности, квалификации и назначении наказания.

Лишь отдельные виды следственных действий в соответствии с нормами Конституции РФ обязательно должны входить в предмет судебного контроля:

- следственные действия, ограничивающие тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ);
- следственные действия, ограничивающие неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ)¹.

Распространение судебного контроля на личный обыск прямо не закреплено в содержании конституционного права неприкосновенности личности. Также является результатом законодательной деятельности распространение судебного санкционирования на:

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

– выемку вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард (п. 5.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

– обыск, осмотр и выемку в отношении адвоката (п. 5.1 ч. 2 ст. 29, ст. 450.1 УПК РФ);

– выемку предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, данные о вкладах граждан в банках и иных кредитных организациях (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

– эксгумация трупа при отсутствии согласия близких родственников или родственников покойного (ч. 3 ст. 178 УПК РФ).

Отдельно считаем необходимым остановиться на правовом регулировании включения в предмет судебного санкционирования следственных действий в отношении адвоката. Выше мы уже указывали на необходимость получения судебного решения на обыск, осмотр и выемку в отношении адвоката в порядке п. 5.1 ч. 2 ст. 29, ст. 450.1 УПК РФ. Однако, в дополнение к данной норме ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вводит обязательное получение предварительного судебного решения о проведении следственных действий в отношении адвоката¹.

Применение рассматриваемой нормы должно осуществляться с учетом ряда правовых позиций Конституционного Суда РФ, которые развивались в направлении ограничения сферы применения данной нормы.

Так, Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О называет требования п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» одной из гарантий защиты адвокатской тайны и указывает на возможность производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатском образовании только при наличии предварительного судебного решения даже несмотря на то, что в то время соответствующие нормы (ст. 450.1) еще не были включены в УПК РФ.

В Определении Конституционного Суда РФ от 22 октября 2012 г. № 629-О-О уже сформулирована позиция о том, что в тех случаях, когда следственные действия проводятся в отношении адвоката с целью фиксации его преступной деятельности, не совместимой со статусом адвоката и, соответственно, не связанной с осуществлением им адвокатской деятельности, по мнению Конституционного Суда РФ предварительное получение судебного решения на производство следственного действия не требуется. Конституционный Суд РФ делает такой вывод с учетом целей введения рассматриваемых норм. По мнению Суда, ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает не личные неприкосновенность или привилегии адвоката; она призвана защищать право на получение

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

квалифицированной юридической помощи, важнейшей гарантией которого является доверительность в отношениях между адвокатом и клиентом, конфиденциальность информации, передаваемой при оказании данной помощи, чему, в частности, служит институт адвокатской тайны¹. Соответственно, предварительное получение судебного решения требуется для таких следственных действий в отношении адвоката, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности, но не требуются, если следственное действие проводится в отношении адвоката в целях изобличения его преступных деяний.

Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П, в том числе основанное на практике Европейского суда по правам человека по делу «Колесниченко против России», с одной стороны, подтверждает необходимость получения специального судебного решения, разрешающего обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, и предлагает законодателю закрепить дополнительные гарантии, исключающие доступ стороны обвинения к материалам, содержащим адвокатскую тайну. С другой стороны, при обыске допускает исследование органами предварительного расследования материалов, связанных с преступлениями адвоката или третьих лиц².

В Определении Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 863-О указано на недопустимость допроса адвоката в качестве свидетеля, а также привод на данный допрос без получения предварительного судебного решения, но с оговоркой, что речь идет о допросе адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи³.

Приводя уголовно-процессуальное законодательство в соответствие с вышеуказанными требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», законодатель Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ⁴ ввел в УПК РФ процедуру предварительного судебного контроля за производством обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. Были установлены, в частности, обязательные условия производства таких следственных действий – возбуждение в отношении адвоката уголовного дела или привлечение его в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ), либо обнаружение в данных помещениях признаков преступления (ч. 3 ст. 450.1 УПК РФ) [Шигурова, 2017: 211].

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 629-О-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52 (часть I). Ст. 7682.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 863-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4. С. 28-29.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.

Сравнительный анализ позиций Конституционного Суда РФ и положений законодательства (уголовно-процессуального и об адвокатской деятельности) свидетельствует о существенных различиях между ними. Действующее законодательство требует предварительного получения судебного решения о производстве следственного действия в отношении адвоката независимо от того, установление каких обстоятельств является целью следственного действия [Шигурова, 2014: 187]. Более того, ст. 450.1 УПК РФ возбуждение уголовного дела в отношении адвоката или привлечение его в качестве обвиняемого рассматривает в качестве одного из альтернативных обязательных условий разрешения судом обыска, осмотра, выемки в отношении адвоката.

Конституционный Суд РФ, напротив, рассматривает установленное ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» требование санкционирования судом следственных действий в отношении адвоката в качестве гарантий лишь сохранения адвокатской тайны. Если следственные действия проводятся для фиксации преступной деятельности самого адвоката или следов данной деятельности, то вышеуказанное судебное санкционирование не требуется.

В научной литературе высказываются различные позиции по данному вопросу.

В.Ю. Стельмах распространяет позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную в отношении ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и на ст. 450.1 УПК РФ и в противоречие с буквальным смыслом норм полагает, что все следственные действия в отношении адвоката требуют судебного санкционирования лишь если, во-первых, следственные действия направлены на получение сведений, составляющих адвокатскую тайну, во-вторых, если следственное действие не связано с производством по уголовному делу в отношении самого адвоката, обвиняемого в совершении преступления. А также называет широкий перечень следственных действий, в которых в принципе, по его мнению, не может быть разглашена адвокатская тайна, и делает вывод о том, что на них предварительный судебный контроль не должен распространяться (допрос адвоката в качестве обвиняемого или потерпевшего и т.д.).

В другом исследовании В.Ю. Стельмах делает вывод о том, что ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» с учетом целей ее введения не должна распространяться на допросы адвокатов в любом процессуальном статусе [Стельмах, 2022: 10].

А.В. Хайдаров также полагает, что предварительный судебный контроль не должен осуществляться в том случае, если объектом проверки являются нарушения со стороны адвоката, носящие уголовно противоправный характер [Хайдаров, 2022: 114].

С другой стороны, сторонником предварительного судебного контроля за производством допроса в отношении адвоката является Ю.Б. Чупилкин. Он предлагает также проводить допрос с обязательным участием представителя адвокатской палаты субъекта РФ, по аналогии с обыском [Чупилкин, 2018: 25].

Современная судебная практика толкования ст. 450.1 УПК РФ также противоречива. Так, например, 18 октября 2018 г. Останкинский районный суд г. Москвы удовлетворил ходатайство следователя о разрешении производства обыска в жилище адвоката Б.С.Б. на том основании, что он проверяется органами расследования на причастность к преступлению, предусмотренному п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, и у следствия есть основания полагать, что в квартире адвоката могут быть предметы и ценности, имеющие значение для дела. При этом дело в отношении адвоката не было возбуждено, уголовное преследование в отношении него не оформлялось каким-либо процессуальным документом, влекущим привлечение его в качестве обвиняемого.

Московский городской суд своим апелляционным постановлением от 10 декабря 2018 г. отменил вышеуказанное постановление, указав, что оно немотивированно и не обоснованно, поскольку принято в отсутствие предусмотренных законом оснований (возбуждение уголовного дела в отношении адвоката, привлечение его в качестве обвиняемого и др.)¹.

Аналогичное нарушение допустил Киевский районный суд г. Симферополя Республики Крым в постановлении от 05 августа 2020 г. Принимая данное решение по уголовному делу об уклонении от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ), суд опирался на то, что следствие имело основания полагать, что адвокат при оказании юридических услуг учредителю ООО «...» принимал решение о назначении Ф. на должность директора ООО «...», а в дальнейшем, по данным ОРМ, осуществлял деятельность, связанную с выводом активов ООО «...» с целью воспрепятствовать наложению ареста на имущество.

То обстоятельство, что обвинение или подозрение в отношении адвоката официально не выдвигалось, стало основанием для признания Верховным Судом Республики Крым решения суда первой инстанции незаконным².

Октябрьский районный суд г. Иваново 22 сентября 2020 г. разрешил производство обыска в служебном помещении адвоката Ф., а также обыск автомобиля адвоката Ф. несмотря на то, что уголовное дело было возбуждено по факту покушения на мошенничество неустановленным лицом, и Ф. в качестве обвиняемого по данному делу не привлекался. Ивановский областной суд отменил вышеуказанное постановление как незаконное и необоснованное³.

По другому делу сразу две инстанции отменяли незаконные, по их мнению, решения нижестоящих судов, показывая тем самым противоположные позиции по вопросу толкования ст. 450.1 УПК РФ. В данном уголовном деле

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 10.12.2018 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

² Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 22.09.2020 № 22-2497/2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

³ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 26 ноября 2020 г. по делу № 22К-2455/2020 // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/317328389/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.09.2023)

начальник ИВС Ф. подозревался в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ. В качестве основания для производства обыска было указано, что органами предварительного следствия установлено, что адвокат М. предоставила на имя начальника ИВС заведомо необоснованные ходатайства о необходимости оказания медицинской помощи М., а при последующем проведении ему медицинского освидетельствования в ООО «...» там находилась дочь обвиняемого, с которой таким образом было организовано незаконное свидание. Суд первой инстанции установил, что органы расследования имели достаточные основания полагать, что по месту жительства адвоката М.З.П. могут храниться документальные материалы и электронно-вычислительная техника, посредством которой она изготовила ходатайства, переданные подозреваемому Ф., а также иные предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела. При этом дело было возбуждено не в отношении адвоката, и он не привлекался в качестве обвиняемого.

Верховный суд Республики Адыгея апелляционным постановлением от 31 мая 2021 г. отменил данное решение суда. Однако, Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции отменила апелляционное постановление, указав, что ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ не запрещает производство обыска у адвоката, если уголовное дело возбуждено в отношении иных лиц, а лишь требует получения судебного решения об этом¹. Принимая такое решение? суд кассационной инстанции проигнорировал четкое требование ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ о возможности производства обыска в отношении адвоката лишь при условии, что уголовное дело было возбуждено в отношении адвоката или он был привлечен в качестве обвиняемого с соблюдением п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, т.е. по согласованию с руководителем следственного органа СК РФ по субъекту РФ.

По уголовному делу № 12201460011000075 протокол допроса свидетеля адвоката Я.В.В. в качестве свидетеля от 16.06.2022, а также протокол обыска в его жилом помещении от 16.06.2022 признаны недопустимыми доказательствами на том основании, что следователь, проводя обыск без решения суда в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, не прекратил следственное действие, получив документы, свидетельствующие о проживании в жилом помещении адвоката Я.В.В. Кроме того, следователь СО ОМВД по г. Москве, располагая сведениями о представлении адвокатом Я.В.В. интересов Ф. – ордером, обнаруженным в ходе обыска, 16.06.2022 допросил в качестве свидетеля адвоката Я.В.В, что в дальнейшем послужило основанием для ее отвода².

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2021 по делу № 77-3472/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

² Решение Тверского районного суда г. Москвы от 24 августа 2023 г. по делу № 02-3166/2023 // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/336238352/paragraph/1/doclist/3451/4/0/0:7> (дата обращения: 10.09.2023).

Чертановский районный суд г. Москвы постановлением от 16 февраля 2023 г. удовлетворил ходатайство старшего следователя по ОВД СУ по ЮАО ГСУ СК России по г. Москве о разрешении производства допроса адвоката Ч.А.В. в качестве свидетеля по уголовному делу, возбужденному по ч. 5 ст. 128.1 УК РФ, а также о его приводе, при наличии оснований, предусмотренных ч.1 ст. 113 УПК РФ. Московский городской суд от 25 апреля 2023 г. признал данное постановление законным и обоснованным, приведя в обоснование вышеуказанные решения Конституционного Суда РФ, устанавливающие, с одной стороны, обязательный предварительный судебный контроль за производством следственных действий в отношении адвоката, с другой стороны, выводящие за пределы такого контроля носящие уголовно противоправный характер нарушения со стороны адвоката. Несмотря на противоречивость такого обоснования, в целом, предварительный судебный контроль был осуществлен по уголовному делу, в котором сам адвокат считал себя фактически заподозренным в совершении преступления на этапе производства вышеуказанного следственного действия¹.

Заключение

Завершая проведенный анализ противоречий в правовом регулировании судебного санкционирования следственных действий в отношении адвоката, укажем на ряд обстоятельств, которые должны быть учтены при дальнейшем совершенствовании данного института.

Во-первых, мы считаем необходимыми именно законодательные изменения, которые должны определить в ст. 29, 165, 450.1 УПК РФ предмет и пределы предварительного судебного контроля за следственными действиями в отношении адвоката. УПК РФ и законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре должны быть приведены в соответствие друг с другом. Н.Н. Ковтун критикует Пленум Верховного Суда РФ за то, что в Постановлении от 01 июня 2017 г. № 19² он предпочел не «увидеть» данную коллизию и не дал судам своих рекомендаций по данному вопросу [Ковтун, 2017: 15-19]. Безусловно, как временное решение позиция высшей судебной инстанции могла бы внести ясность и единообразие в судебную практику. Но в правовом государстве такого рода противоречия между законами должны разрешаться законодательным органом [Коваль, Жадунова, Ушкин, Сычев, Кондратьева, 2021: 63].

Во-вторых, предлагаем исключить из ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ наличие возбужденного в отношении адвоката уголовного дела или привлечение его в качестве обвиняемого как обязательное условие для производства в отношении

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 25 апреля 2023 г. по делу № 10-7257/2023 // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/333772913/paragraph/21/doclist/3451/11/0/0:10> (дата обращения: 10.09.2023).

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // Российская газета. 2017. 9 июня.

адвоката обыска, осмотра и выемки. Не случайно в судебной практике данное условие иногда прямо игнорируется судами, поскольку это создает непреодолимое препятствие для привлечения адвоката, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, к уголовной ответственности [Подольный, 2007: 35]. Принятие в отношении адвоката решения о возбуждении уголовного дела или о привлечении в качестве обвиняемого требует наличия уже собранных следователем доказательств, изобличающих его в совершении преступления. В том случае, если такие доказательства находятся по его месту работы, жительства, в его транспортном средстве, создается непреодолимая законными средствами ситуация, в которой правонарушитель может избежать уголовной ответственности. С учетом наличия в действующем законодательстве дополнительных гарантий защиты адвокатской тайны и обеспечения законности при производстве данных следственных действия в виде предварительного судебного контроля, наличия представителя адвокатской палаты субъекта РФ, рассматриваемое условие производства следственных действий представляется избыточным и препятствующим достижению целей уголовного судопроизводства.

В-третьих, полагаем, что УПК РФ необходимо дополнить нормой о предварительном судебном контроле за следственными действиями и неразрывно связанным с ним приводом адвоката по делу его доверителя (применительно к иным следственным действиям, не указанным в ст. 450.1 УПК РФ). Это необходимо для защиты от недобросовестных способов вывода адвоката-защитника из дела его доверителя. Если же следственные действия проводятся в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении адвоката, последний не должен получать дополнительных гарантий в виде предварительного судебного контроля; в противном случае будет нарушен принцип равенства перед законом и судом.

Список литературы (References)

1. Азаров В.А. Сущность российского уголовного процесса и судебный контроль // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Под ред. Ю.К. Якимовича. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2002. С. 7-13.

Azarov V.A. (2002) Sushchnost' rossiyskogo ugolovnogo protsesssa i sudebnyy kontrol' (The essence of the Russian criminal process and judicial control). *Legal problems of strengthening Russian statehood*. Tomsk: Tomsk State University Publ. P. 7-13. (In Russ.)

2. Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Право. 2021. № 1 (134). С. 46-54. DOI 10.32523/2616-6844-2021-134-1-46-54.

Azarov V.A., Nurbaev D.M. (2021) Ob effektivnosti sudebnogo kontrolya za proizvodstvom sledstvennykh deystviy (On the effectiveness of judicial control over the conduct of investigative actions). *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National*

University. Law Series. No. 1 (134). P. 46-54. (In Russ.) DOI 10.32523/2616-6844-2021-134-1-46-54.

3. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006.

Azarov V.A., Revenko N.I., Kuzembayeva M.M. (2006) The function of preliminary investigation in the history, theory and practice of the criminal process of Russia. Omsk: Omsk State University Publ. (In Russ.)

4. Антонова Е.Е. Функциональная характеристика досудебного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 32 с.

Antonova E.E. (2006) Functional characteristics of pre-trial proceedings in the Russian criminal process. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of candidate of Law Sciences. Omsk. 32 p. (In Russ.)

5. Багаутдинов Ф.Н. О содержании судебного контроля на предварительном следствии // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 50-58.

Bagautdinov F.N. (2002) O soderzhanii sudebnogo kontrolya na predvaritel'nom sledstvii (On meaning of judicial control during preliminary investigation). *Journal of Russian Law.* No. 12. P. 50-58. (In Russ.)

6. Бородинов В.В. Невостребованный потенциал судебного контроля // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 37-41.

Borodinov V.V. (2006) Unclaimed potential of judicial control. *Russian justice.* No. 5. P. 37-41. (In Russ.)

7. Буланова Н.В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 196 с.

Bulanova N.V. (2004) Taking into custody during the preliminary investigation of crimes. Thesis on competition of a scientific degree of candidate of Law Sciences. Moscow. 196 p. (In Russ.)

8. Быков В.М. Правовые основания и условия производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. 2007. № 1. С. 72-76.

Bykov V.M. (2007) Pravovye osnovaniya i usloviya proizvodstva sledstvennykh deystviy po UPK RF (Legal grounds and conditions for the production of investigative actions under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). *Criminal law.* No. 1. P. 72-76. (In Russ.)

9. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2014.

Bykov V.M. (2014) Investigator in the criminal process of Russia. Moscow: Yurlitinform Publ. (In Russ.)

10. Быков В.М., Манова Н.С. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья? // Законность. 2015. № 6. С. 44-46.

Bykov V.M., Manova N.S. (2015) Nuzhen li ugovolnomu sudoproizvodstvu Rossii sledstvennyy sud'ya? (Do Criminal Proceedings in Russia Need an Investigating Judge?). *The Legality.* No. 6. P. 44-46. (In Russ.)

11. Горленко В.А. Развитие контрольных функций суда в области

уголовного процесса // Российский судья. 2008. № 10. С. 8-12.

Gorlenko V.A. (2008) Razvitie kontrol'nykh funktsiy suda v oblasti ugovnogo protsessa (Development of control functions of the court in the field of criminal procedure). *Russian judge*. No. 10. P. 12-18. (In Russ.)

12. Каретников А.С., Арзамасцева К.А. Разрешение суда на производство следственных действий // Законность. 2011. № 2. С. 43-47.

Karetnikov A.S., Arzamastseva K.A. (2011) Razreshenie suda na proizvodstvo sledstvennykh deystviy (Court permission to conduct investigation). *The Legality*. No. 2. P. 43-47. (In Russ.)

13. Коваль Е.А., Жадунова Н.В., Ушкин С.Г., Сычев А.А., Кондратьева А.Н. Нормотворчество в морали, праве, религии. Саранск: Изд-во Мордовского гос. ун-та, 2021.

Koval E.A., Zhadunova N.V., Ushkin S.G., Sychev A.A., Kondratieva A.N. (2021) Norm-Creating in morality, law, religion. Saransk: Mordovia State University Publ. (In Russ.)

14. Ковтун Н.Н. Судебное «санкционирование» следственных действий // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3. С. 15-19.

Kovtun N.N. (2017) Sudebnoe "sanktsionirovanie" sledstvennykh deystviy (Judicial "sanctioning" of investigatory actions). *Criminal Judicial Proceeding*. No. 3. P. 15-19. (In Russ.)

15. Колоколов Н.А. Механизм избрания меры пресечения судом нуждается в коренной модернизации // Уголовный процесс. 2014. № 8. С. 28-38.

Kolokolov N.A. (2014) Mekhanizm izbraniya mery presecheniya sudom nuzhdaetsya v korennoy modernizatsii (The mechanism of election of a preventive measure by the court in need of radical modernization). *Criminal Procedure*. No. 8. P. 28-38. (In Russ.)

16. Машинникова Н.О. Роль усмотрения суда в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2018. Т. 28. № 6. С. 828-834.

Mashinnikova N.O. (2018) Rol' usmotreniya suda v ugovnom sudoproizvodstve (The role of judicial discretion in criminal proceedings). *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. Vol. 28. No. 6. P. 828-834. (In Russ.)

17. Насонова И.А., Владимирова Ю.К. Прокурорский надзор и судебный контроль как средства обеспечения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей и в местах лишения свободы // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2020. № 6-1. С. 213-221.

Nasonova I.A., Vladimirova Yu.K. (2020) Prokurorskiy nadzor i sudebnyy kontrol' kak sredstva obespecheniya protsessual'nykh prav uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva, soderzhashchikhsya pod strazhey i v mestakh lisheniya svobody (Prosecutor's supervision and judicial control as a means of ensuring the procedural rights of participants in criminal proceedings held in custody and in prisons). *Public safety, legality and law and order in the III millennium*. No. 6-1. P. 213-221. (In Russ.)

18. Погодин С.Б. Особые формы принятия судебных решений на

досудебных стадиях уголовного процесса // Современный проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: матер. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 8 апреля 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 367-374.

Pogodin S.B. (2016) *Osobyie formy prinyatiya sudebnykh resheniy na dosudebnykh stadiyakh ugolovnoho protsesssa* (Special forms of judicial decision-making at the pre-trial stages of the criminal process). *Modern problems of proof and decision-making in criminal proceedings. Social technologies and legal institutions: proceedings of the international scientific and practical conference (Moscow, April 8, 2016)*. Moscow: Prospect. P. 367-374. (In Russ.)

19. Подольный Н.А. Использование молодежными преступными группировками отдельных адвокатов для оказания противодействия проводимому расследованию // Следователь. 2007. № 4. С. 35-38.

Podolny N.A. (2007) The use of individual lawyers by youth criminal groups to counteract the ongoing investigation. *Investigator*. No. 4. P. 35-39. (In Russ.)

20. Рыгалова К.А. Деятельность и роль прокурора при осуществлении судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 186 с. (In Russ.)

Rygalova K.A. (2018) Activity and role of the prosecutor in exercising judicial control in pre-trial proceedings in criminal cases. Thesis on competition of a scientific degree of candidate of Law Sciences. Saratov. 186 p. (In Russ.)

21. Сбоев А.С. Объект судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3 (1). С. 99-102.

Sboev A.S. (2005) *Ob"ekt sudebnogo kontrolya v dosudebnom ugolovnom sudoproizvodstve* (The object of judicial control during pre-trial criminal legal proceeding). *Vestnik of the Orenburg State University*. No. 3 (1). P. 99-102. (In Russ.)

22. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2000.

Smirnov A.V. (2000) Models of criminal procedure. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)

23. Стельмах В.Ю. Некоторые аспекты нормативной регламентации производства следственных действий в отношении адвокатов // Российский судья. 2022. № 12. С. 10-14. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-12-10-14.

Stelmakh V.Yu. (2022) *Nekotorye aspekty normativnoy reglamentatsii proizvodstva sledstvennykh deystviy v otnoshenii advokatov* (Some aspects of statutory regulation of carrying out of investigative actions in respect of attorneys). *Russian judge*. No. 12. P. 10-14. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-12-10-14. (In Russ.)

24. Татьяна Л.Г., Машинникова Н.О. Некоторые аспекты свободы воли в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32. № 3. С. 553-559. DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-3-553-559.

Tatyanina L.G., Mashinnikova N.O. (2022) *Nekotorye aspekty svobody voli v ugolovnom sudoproizvodstve* (Some aspects of free will in criminal proceedings).

Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. Vol. 32. No. 3. P. 553-559. DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-3-553-559 (In Russ.)

25. Токарева М.Е. Проблемы регламентации правового статуса основных участников предварительного расследования преступлений // *Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, прокурорского надзора*. М., СПб., Кемерово, 1998. С. 12-18.

Tokareva M.E. (1998) Problemy reglamentatsii pravovogo statusa osnovnykh uchastnikov predvaritel'nogo rassledovaniya prestupleniy (Problems of regulation of the legal status of the main participants in the preliminary investigation of crimes). *Modern problems of criminal law, criminal procedure, criminalistics, prosecutorial supervision*. Moscow, St. Petersburg, Kemerovo. P. 12-18. (In Russ.)

26. Хайдаров А.А. Допрос адвоката в качестве свидетеля по делу его доверителя: вопросы правомерности привода и допустимости доказательств // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 6. С. 114-121. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.139.6.114-121.

Khaydarov A.A. (2022) Dopros advokata v kachestve svidetelya po delu ego doveritelya: voprosy pravomernosti privoda i dopustimosti dokazatel'stv (Questioning an Attorney as a Witness in the Client's Case: Issues of Legality of Compelling Appearance and Admissibility of Evidence). *Actual problems of Russian law*. Vol. 17. No. 6. P. 114-121. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.139.6.114-121 (In Russ.)

27. Чупилкин Ю.Б. Гарантии неприкосновенности адвоката от необоснованного допроса в качестве свидетеля // *Адвокатская практика*. 2018. № 3. С. 25-29.

Chupilkin Yu.B. (2018) Garantii neprikosnovennosti advokata ot neobosnovannogo doprosa v kachestve svidetelya (Guarantees of the attorney immunity to unjustified interrogation as a witness). *Advocate's Practice*. No. 3. P. 25-29. (In Russ.)

28. Шабунин В.А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 30 с.

Shabunin V.A. (2013) Head of the investigative body: normative regulation and practice of exercising procedural functions and powers. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of candidate of Law Sciences. Saratov. 30 p. (In Russ.)

29. Шигурова Е.И. Актуальные вопросы адвокатской деятельности // *Современные проблемы общественных, экономических и правовых наук: теория и практика: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. XVII Макаркинские научные чтения*. Отв. ред. Н.И. Лушенкова. Саранск: Мордовский гуманитарный институт, 2017. С. 211-214.

Shigurova E.I. (2017) Aktual'nye voprosy advokatskoy deyatel'nosti (Current issues of advocacy). *Modern problems of social, economic and legal sciences: theory and practice. Proceeding of the All-Russian scientific conference with international participation. XVII Makarkin scientific readings*. Saransk: Mordovia Humanitarian Institute Publ. P. 211-214. (In Russ.)

30. Шигурова Е.И. Виды и правовые последствия нарушения права на защиту // Обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному права на защиту. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Л. Д. Калинкина. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2014. С. 187-193.

Shigurova E.I. (2014) Vidy i pravovye posledstviya narusheniya prava na zashchitu (Types and legal consequences of violation of the right to defense). *Providing the suspect, accused, defendant, convicted person with the right to defense. Proceeding of the IV International Scientific and Practical Conference*. Saransk: Mordovia State University Publ. P. 187-193. (In Russ.)

31. Якимович Ю.К. Прокурорский надзор и судебный контроль за предварительным расследованием // Новое российское законодательство и практика его применения: материалы конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 3-5.

Yakimovich Yu.K. (1997) Prokurorskiy nadzor i sudebnyy kontrol' za predvaritel'nyy rassledovaniem (Prosecutor's supervision and judicial control over the preliminary investigation). *New Russian legislation and practice of its application: conference materials*. Barnaul: Altai University Publ. P. 3-5. (In Russ.)

Сведения об авторе

Шигуров Александр Викторович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства. Автор более 200 научных и учебно-методических работ.

E-mail: arshigurov@mail.ru

About the author

Shigurov Alexander Viktorovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). Engaged in the study of the problems of criminal justice. Author of more than 200 scientific and educational works.

E-mail: arshigurov@mail.ru

Поступила 10.10.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

УДК 331.101.32

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-25-35

Н. П. Касаткина

Научный центр социально-экономического мониторинга,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: kasatkina-rri@mail.ru

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА

В статье рассматриваются удовлетворенность отдельными аспектами работы и субъективное благополучие сельских жителей. На основе данных социологического исследования показано, что большинство сельских жителей чувствуют себя счастливыми, их удовлетворенность отдельными параметрами текущей занятости выше, чем у горожан. Субъективное благополучие сельских жителей обусловлено благоприятной социально-психологической средой в процессе трудовой деятельности, а также особенностями трудовых ценностей. Несчастливые респонденты не удовлетворены собственными трудовыми успехами, соответствием работы личным способностям и качествам.

Ключевые слова: субъективное благополучие, сельские жители, сельская местность, удовлетворенность работой, удовлетворенность жизнью

N. P. Kasatkina

Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: kasatkina-rri@mail.ru

SUBJECTIVE WELL-BEING OF VILLAGERS: A FACTOR OF JOB SATISFACTION

The article deals with the satisfaction with certain aspects of work and subjective well-being of rural residents. Based on the data of the sociological study it is shown that most rural residents feel happy, their satisfaction with certain parameters of current employment is higher than that of urban residents. Subjective well-being of rural residents is conditioned by a favourable socio-psychological environment in the process of labour activity, as well as by the peculiarities of labour values. Unhappy respondents are dissatisfied with their own labour successes, the correspondence of work to their personal abilities and qualities.

Keywords: subjective well-being, rural residents, rural areas, job satisfaction, life satisfaction

Введение

Субъективное благополучие сельских жителей незаслуженно находится на периферии внимания социологов. Между тем, эта категория может считаться индикатором социально-экономического развития на всех уровнях территориальной организации общества [Сухорукова, Кочинова, 2021; Алмакаева, 2021]. Тем не менее социальные процессы на селе активно изучаются, и общая картина выглядит довольно негативно: отмечаются депопуляция сельских территорий и старение населения [Безвербный, Максимов, 2022; Шилова, 2021], дефицит «хороших» рабочих мест, низкая оплата труда [Югов, 2021: 29; Гимпельсон, Капелюшников, 2022], отставание в развитии социальной инфраструктуры [Бочаров, 2017], медицинское и цифровое неравенство [Сарайкин, Никулина, Янбых, 2023: 73]. Как следствие прогрессирует снижение человеческого капитала села, а значит – трудового, демографического потенциала региона, а в случае национальной республики – еще перспектив сохранения этнических культур и языка.

Таким образом, по ряду объективных показателей качество жизни в сельской местности отличается от такового в городах, изрядно ему проигрывая. В то же время жители села, несмотря на проблемы, демонстрируют позитивное социальное самочувствие. Подтверждением тому выступают результаты социологических исследований, где, в частности, отмечается социальный оптимизм сельских жителей и удовлетворенность собственным статусом в обществе [Тощенко, 2018: 78].

Поэтому следует согласиться с мнением, что необходимо изменение «ракурса восприятия проблем и приоритетов сельского развития через призму субъективной оценки благополучия» [Сарайкин, Никулина, Янбых, 2023: 73]. Субъективный подход, основанный на «индивидуально-психическом восприятии достаточности (или дефицита) жизненных благ» [Васильева, 2021: 67] позволяет сфокусировать внимание на латентных факторах социального благополучия сельчан и выявить позитивные и негативные составляющие жизни на селе.

Категория субъективного благополучия отражает скорее эмоциональное состояние и удовлетворенность человека своей жизнью, включая личные отношения, возможности для развития и самореализации, а также ощущение смысла и цели в жизни. В этом контексте сложно переоценить значение параметров, характеризующих содержание и условия трудовой деятельности. Доказано, что удовлетворенность работой коррелирует с удовлетворенностью жизнью [Соболева, 2017; Соболева, 2020]. Что касается выраженности такой корреляции, то относительно сельского населения в литературе приводятся противоречивые данные. Так, согласно выводам Н.Э. Соболевой, в сельских поселениях связь между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью слабая, поскольку наличие личного подсобного хозяйства снижает значимость оплачиваемой занятости [Соболева, 2020: 383]. В то же время в исследовании В.А. Сарайкина, Ю.Н. Никулиной, Р.Г. Янбых, где изучались факторы социального благополучия сельчан, выявлено, что удовлетворенность

работой оказывает доминирующее влияние: «шанс встретить полностью удовлетворенного жизнью респондента в 100 с лишним раз выше в случае, если он полностью удовлетворен работой (условиями труда, заработной платой, возможностями профессионального роста), чем наоборот» [Сарайкин, Никулина, Янбых, 2023: 91].

Указанное расхождение в выводах может иметь вполне объективное основание, поскольку сама категория «удовлетворенность работой» неоднозначна с точки зрения интерпретации, операционализации и факторной обусловленности (удовлетворенность работой находится в зависимости от целого ряда параметров: трудовых ценностей, характера профессиональной идентичности, уровня образования, гендерной принадлежности и т.д.). Сходным по содержанию понятием является «субъективное благополучие на работе», измерение которого требует учета ряда нюансов, в частности, таких, как принадлежность к социально-профессиональной группе, типу предприятия (организации) и т. д. [Татарова, 2021: 41].

Таким образом, очевидна недостаточная теоретическая и эмпирическая проработанность ряда вопросов, связанных с изучением трудовой занятости как фактора социального благополучия в целом, а относительно сельских жителей – в особенности. При этом сегодня возрастает стратегическая значимость сохранения человеческого капитала российского села, что стимулирует исследовательский интерес к этой теме.

В данной статье рассматриваются удовлетворенность отдельными аспектами работы и уровень счастья сельских жителей. Счастье, понимаемое как эмоциональная (аффективная) оценка индивидом своего жизненного положения, рассматривается как индикатор социального благополучия [Сибирев, Головин, 2020: 298].

Материалы и эмпирическая основа исследования

Базой данных исследования служит очный репрезентативный опрос «Качество жизни населения Республики Мордовия» (апрель 2022 г.), в котором приняли участие 700 респондентов в возрасте от 18 лет и старше. В анализе использована подвыборка респондентов – 558 чел., занятых на региональном рынке труда. В структуре работающих респондентов доля проживающих в сельской местности составляет 36 %. Большинство опрошенных жителей села (72 %) заняты в бюджетной сфере, в коммерческой – 14 %. Структура занятости горожан отличается: доля трудоустроенных в государственные учреждения составляет 59 %, частных предприятиях и организациях – 28 %.

Обработка первичной информации проведена с помощью программы SPSS Statistics версии 19.0., применяются одномерные и двумерные распределения признаков. Анализ представлен в виде сравнения данных, иллюстрирующих мнение жителей сельской местности и горожан.

Результаты

Большинство опрошенных (81 %) чувствуют себя в той или иной мере счастливыми. Уровень счастья в сельской местности выше, чем в городской и составляет 87 % против 77. Доля «абсолютно счастливых» среди сельских

жителей почти в два раза больше: 42 и 23 % соответственно (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя счастливым человеком?», %

Вариант ответа	Все респонденты	Проживающие в городе	Проживающие в сельской местности
Да	30	23	42
Скорее да	51	54	45
Скорее нет	6	8	5
Нет	2	3	1
Затрудняюсь ответить	11	12	7
Итого	100	100	100

Ощущает себя в той или иной степени несчастливым (сумма ответов «скорее нет» и «нет») почти каждый десятый городской житель (12 %), вдвое меньше таковых в селе (7 %).

Параметры места работы во многом задаются условиями, сложившимися на региональном рынке труда. Как показало исследование, в Республике Мордовия актуальность сохраняют отсутствие работы в населенном пункте первичного рынка труда, увеличение сегмента низкооплачиваемых рабочих мест с невысоким порогом входа, концентрация рабочих мест в городах. И если горожан волнует низкая заработная плата по вакансиям, то жителей села – физическое отсутствие работы в населенном пункте. Поэтому логично предположить, что в ценностном отношении текущая занятость для сельчан будет более значима.

Основная функция трудовой деятельности – это получение средств для жизнеобеспечения, поэтому фактор материального положения в контексте субъективного благополучия крайне важен. Оценивая динамику своего материального положения за последние два года, 44 % опрошенных отметили ту или иную степень ухудшения. Не почувствовали изменений 36 % респондентов, соответственно 16 % указали на улучшение. Негативная оценка более распространена среди горожан (51 %), из числа жителей села аналогичного мнения придерживаются 32 % опрошенных (39 % заявили об отсутствии изменений, 26 % – об улучшении). Соответственно, тревожность относительно возможностей обеспечивать свою семью самым необходимым у горожан также выше и составляет 60 %, у сельчан – 50 %.

Половина всех опрошенных в той или иной степени обеспокоены потенциально возможной потерей работы. Тревогу по этому поводу испытывают больше жители городов (54 %), чем сел 46 %.

Анализ проблем, с которыми за последние два года сталкивались респонденты, показывает тенденцию к ухудшению условий труда у работающих в городах. В отличие от занятых на селе им значительно чаще приходилось выполнять дополнительные обязанности без увеличения заработной платы (23 и 8 % соответственно) и неоплачиваемые переработки – 16 % (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «С какими проблемами в сфере труда и занятости Вы сталкивались за последние два года?», %

Проблемы	Все респонденты	Место жительства	
		город	село
Задержка заработной платы			
Сокращение рабочего времени при сохранении объема работы			
Возложение дополнительных обязанностей без увеличения заработной платы			
«Серая» заработная плата			
Неоплачиваемые переработки			
Вынужденный неоплачиваемый отпуск			
Нежелание работодателя официально оформлять трудовые отношения			
Снижение заработной платы			
Невыполнение социальных гарантий			
Затрудняюсь ответить			
С проблемами не сталкивался			
<i>Итого</i>			

**Сумма ответов превышает 100 %, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа*

Что касается непосредственно удовлетворенности различными аспектами работы, то данные опроса выявляют, что все работники сравнительно низко оценивают такие параметры, как оплата труда, соотношение работы и других сторон жизни, техническая оснащенность рабочего места, возможность обучения (повышения квалификации) и карьерного роста. Удовлетворенность выше по тем аспектам работы, которые так или иначе опосредуют закрепляемость на рабочем месте (исключение – оплата труда, показатели удовлетворенности которой самые низкие). По компонентам, мотивирующим к повышению производительности труда, удовлетворенность респондентов сравнительно ниже (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «В какой мере Вас удовлетворяют ...?», %

Параметры места работы	Все респонденты	Место жительства	
		город	село
<i>Влияющие на организационную приверженность</i>			
Отношения с коллегами			
Отношения с руководством			
Режим работы			
Санитарно-гигиенические условия			
Уровень технической оснащенности			
Соотношение работы			

Параметры места работы	Все респонденты	Место жительства	
		город	село
и других сторон жизни (наличие свободного времени)			
Оплата труда			
<i>Мотивирующие</i>			
Уровень ответственности			
Соответствие работы личным способностям (желаниям)			
Трудовые успехи			
Признание и одобрение результатов работы			
Возможность обучения (повышения квалификации)			
Возможность карьерного роста			

*Сумма ответов «удовлетворен» и «скорее удовлетворен»

Существенная разница между удовлетворенностью горожан и жителей села фиксируется в сегменте мотивирующих факторов. Доля позитивных оценок со стороны работающих в сельской местности выше по таким параметрам, как возможность обучения (повышения квалификации), признание и одобрение результатов работы, соответствие работы личным способностям (желаниям). Однако наиболее значительная дистанция наблюдается по такому компоненту, как соотношение работы и других сторон жизни (наличие свободного времени).

Показатели удовлетворенности по рассматриваемым составляющим ниже у отрицательно ответивших на вопрос о том, чувствуют ли они себя счастливыми. Они менее удовлетворены оплатой труда (22 %, среди счастливых – 51 %), технической оснащённостью рабочего места (53 и 77 % соответственно), санитарно-гигиеническими условиями (59 и 84 %), а также признанием и одобрением результатов работы (55 % – 78 %).

Между сельскими жителями и горожанами существует принципиальная разница в значимости тех или аспектов работы как факторов субъективного благополучия. Жители села, которые указывают, что не испытывают счастья, в той или иной степени не удовлетворены трудовыми успехами (46 %, горожане – 22 %), соответствием работы личным способностям и желаниям (46 %, горожане – 25 %). Проживающих в городской местности чаще не устраивают соотношение работы и других сторон жизни (44 %, жители села – 27 %), отношения с руководством (27 и 18 % соответственно), возможности карьерного роста (26 и

Отдельно следует сказать о таком параметре, как соотношение работы и других сторон жизни, поскольку считается, что именно этот фактор предопределяет эмоциональное выгорание работников. Наличие свободного времени создает благоприятные условия для занятости на приусадебном участке, личном подсобном хозяйстве: у сельчан это самый распространенный вид деятельности, в него вовлечены 64 % опрошенных (из числа горожан – 33 %). К тому же сельские жители реже «сидят» в интернете и социальных сетях (12 %, среди горожан – 25 %).

Домашнее производство, которым активно занимаются жители села, выполняет важную функцию – повышает материальное благополучие их семей. Об этом свидетельствуют приведенные выше данные и данные о динамике потребления продуктов питания. К примеру, по результатам опроса доля респондентов, ограничивающих потребление мяса, среди сельских жителей на 10 п.п. меньше, чем среди городского населения (53 и 63 % соответственно).

Заключение

Наше исследование подтверждает данные о том, что удовлетворенность работой является фактором субъективного благополучия сельских жителей. Позитивная оценка собственного счастья работающими в сельской местности сопровождается благоприятной средой для общения и межличностного взаимодействия, особым типом организационной культуры на селе. Горожане находятся в более конкурентных и стрессогенных условиях, где социально-психологические аспекты трудовой деятельности имеют более негативный характер.

Данные исследования показывают, что большая часть респондентов сталкивались с теми или иными проблемами в сфере трудовых отношений. Наиболее распространено повышение интенсивности труда без соответствующего материального вознаграждения. Тем не менее сельские жители реже заявляют о подобных проявлениях дискриминации.

Работа на селе находится в балансе с другими сторонами жизни, предоставляя больше времени для другого рода деятельности. Для села – это труд в личном подсобном хозяйстве и домашнее производство, которые наряду с оплатой труда по основному месту работы формируют материальную базу домохозяйств. Дополнительные доходы укрепляют чувство экзистенциальной безопасности, тем самым позитивно влияя на субъективное благополучие.

Сельские жители демонстрируют внутренние трудовые ценности, когда удовлетворенность такими компонентами работы, как трудовые успехи, соответствие работы личным способностям (желаниям), признание и одобрение результатов работы коррелирует с показателями счастья. Поскольку «внутренние трудовые ценности снижают различие между удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью работой» [Соболева, 2017: 156], то и в случае субъективного благополучия сельских жителей значение имеет ценностное отношение к работе.

Список литературы (References)

1. Алмакаева А. М. Субъективное благополучие и субъективно воспринимаемое качество жизни как показатели территориального развития // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 4. С. 12-20.

Almakaeva A.M. (2021) Sub"ektivnoe blagopoluchie i sub"ektivno vosprinimaemoe kachestvo zhizni kak pokazateli territorial'nogo razvitiya (Subjective well-being and subjectively perceived quality of life as indicators of territorial development). *Sociodigger*. Vol. 2. No. 4. P. 12-20. (In Russ.)

2. Безвербный В.А., Максимов А.Н. Тенденции депопуляции сельских территорий Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2020 // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 150-161. DOI 10.19181/пко.2022.28.4.12.

Bezverbny V.A., Maksimov A.N. (2022) Tendentsii depopulyatsii sel'skikh territoriy Rossiyskoy Federatsii po dannym Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2020 (Depopulation trends of rural areas of the Russian Federation according to the Russian Census 2020). *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 4. P. 150-161. DOI 10.19181/пко.2022.28.4.12. (In Russ.)

3. Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Оценка состояния социальной инфраструктуры сельских поселений как фактор социального самочувствия // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 33-53. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.3/

Bocharov V.Yu., Vaskina Yu.V. (2017) Otsenka sostoyaniya sotsial'noy infrastruktury sel'skikh poseleniy kak faktor sotsial'nogo samochuvstviya (Estimation of social infrastructure condition in rural settlements as a factor of social well-being). *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. No. 2. P. 33-53. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.3 (In Russ.)

4. Васильева О.В. Измерение качества жизни населения: субъективный и объективный подходы // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 4. С. 65-80.

Vasileva O.V. (2021) Izmerenie kachestva zhizni naseleniya: sub"ektivnyy i ob"ektivnyy podkhody (Measuring the quality of life of the population: subjective and objective approaches). *Journal of Wellbeing Technologies*. No. 4. P. 65-80. (In Russ.)

5. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Динамика структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? Препринт WP3/2022/05. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 43 с. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). URL: https://wp.hse.ru/data/2022/07/25/1618057186/WP3_2022_05____.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. (2022) Evolution of job structure in Russia: polarization, upgrading, stalemate? Working paper WP3/2022/05. Moscow: HSE Publ. House. 43 p. (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). URL: https://wp.hse.ru/data/2022/07/25/1618057186/WP3_2022_05____.pdf. (accessed 14.09.2023) (In Russ.)

6. Сарайкин В.А., Никулина Ю.Н., Янбых Р.Г. Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 1. С. 71-105. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105.

Saraikin V.A., Nikulina Yu.N., Yanbykh R.G. (2023) Sub"ektivnoe blagopoluchie sel'skikh zhiteley v Rossii: faktory i ikh znachimost' (Subjective well-being of rural dwellers in Russia: factors and their significance). *Economic Sociology*. Vol. 24. No. 1. P. 71-105. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105. (In Russ.)

7. Сибирев В.А., Головин Н.А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах

Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296-315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>.

Sibirev V.A., Golovin N.A. (2020) Mezhpokolencheskie razlichiya v udovletvorennosti zhizn'yu i chuvstve schast'ya v Rossii (na materialakh Evropeyskogo sotsial'nogo issledovaniya) (Intergenerational Differences in Life Satisfaction and a Feeling of Happiness in Russia (Based on the European Social Survey Data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 296-315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>. (In Russ.)

8. Соболева Н.Э. Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 368-390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>.

Soboleva N.E. (2020) Faktory, vliyayushchie na vklad udovletvorennosti rabotoy v udovletvorennost' zhizn'yu v Rossii (Determinants and the Interrelationship Between Job Satisfaction and Life Satisfaction in Russia). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 368-390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.15>. (In Russ.)

9. Соболева Н.Э. Влияние трудовых ценностей на взаимосвязь между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью жизнью (по данным European Values Study) // Методы и процедуры социологических исследований: традиции и инновации. Сб. ст., посвященный памяти первого декана ф-та социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского / отв. ред. и вступит. ст. О.А. Оберемко. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 146-159.

Soboleva N.E. (2017) Vliyanie trudovykh tsennostey na vzaimosvyaz' mezhdu udovletvorennost'yu rabotoy i udovletvorennost'yu zhizn'yu (po dannym European Values Study) (Labor Values Impact to the Relationship between Job Satisfaction and Life Satisfaction (According to European Values Study). *Methods and Procedures of Sociological Research: Traditions and Innovations. Collection of Papers dedicated to the first dean of the Faculty of Sociology, Higher School of Economics, Alexander O. Kryshchanovsky*. Moscow: SRU HSE. P. 146-159. (In Russ.)

10. Сухорукова Н.Г., Кочинова М.В. Качество жизни жителей малого населенного пункта сельской местности: социологический аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 124-128. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.12.17>.

Sukhorukova N.G., Kochinova M.V. (2021) Kachestvo zhizni zhiteley malogo naseennogo punkta sel'skoy mestnosti: sotsiologicheskiy aspekt (Quality of life of small countryside community residents: sociological aspect). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. No. 12. P. 124-128. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.12.17>. (In Russ.)

11. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения // Социологические исследования. 2021. Т. 47. № 10. С. 37-49. DOI: 10.31857/S013216250015546-3.

Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P., Kuchenkova A.V. (2021) Subjective well-being at work: research practices of sociological measurement. *Sociological Studies*. Vol. 47. No. 10. P. 37-49. DOI: 10.31857/S013216250015546-3 (In Russ.)

12. Тощенко Ж.Т. Особенности жизненного мира сельских жителей России // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 71-81. DOI 10.7868/S0132162518020083.

Toshchenko Zh.T. (2018) Osobennosti zhiznennogo mira sel'skikh zhiteley Rossii (Features of the life world of rural residents in Russia). *Sociological Studies*. No. 2. P. 71-81. DOI 10.7868/S0132162518020083 (In Russ.)

13. Шилова В.А. Изменение образа и условий жизни населения сельской местности ЦФО России как фактор динамики человеческого капитала // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 264-280. P01: 10.19181Atr.2021.9.4.8619.

Shilova V.A. (2021) Izmenenie obraza i usloviy zhizni naseleniya sel'skoy mestnosti TsFO Rossii kak faktor dinamiki chelovecheskogo kapitala (Changes in Lifestyles and Living Conditions of the Rural Population of the Russian Central Federal District as a Factor in the Dynamics of Human Capital). *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 9. No. 4. P. 264-280. R01: 10.19181Atr.2021.9.4.8619 (In Russ.)

14. Югов Е.А. Миграционные процессы в сельской местности и их влияние на состояние трудовых ресурсов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 3. С. 81-93. B01: <https://doi.org/10.17308/econ.2021.3/3516>.

Yugov E.A. (2021) Migratsionnye protsessy v sel'skoy mestnosti i ikh vliyanie na sostoyanie trudovykh resursov (Migration in rural areas and its effect on labour resources). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. No. 3. P. 81-93. B01: <https://doi.org/10.17308/econ.2021.3/3516> (In Russ.)

Сведения об авторе

Касаткина Наталья Петровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

E-mail: kasatkina-rr@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>

About the author

Kasatkina Natalya Petrovna – Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work of the National Research Mordovia State University.

E-mail: kasatkina-rri@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>

Поступила 11.11.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023;
принята к публикации 01.12.2023.

УДК 316.4.066

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-36-45

М. В. Федосеева

Научный центр социально-экономического мониторинга,
Саранск, Россия, e-mail: marina-yuskaeva@yandex.ru

ФАКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

В статье рассматриваются факторы субъективно воспринимаемого качества жизни населения в регионе. На основе анализа данных социологического исследования «Качество жизни населения Республики Мордовия» (2022 г., n=700 чел.) показано, что основными факторами, влияющими на субъективное качество жизни, являются доступность и разнообразие рабочих мест, возможности предпринимательской деятельности, развитость инфраструктуры, доступность медицинской помощи. Выявленные возрастные и поселенческие диспропорции в оценках опосредованы эффектом «социального сравнения» с референтной группой опрошенных.

Ключевые слова: качество жизни, субъективные оценки, удовлетворенность, населенный пункт, региональный социум, депривация

M. V. Fedoseeva

Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution,
Saransk, Russia, e-mail: marina-yuskaeva@yandex.ru

FACTORS OF SATISFACTION WITH THE QUALITY OF LIFE IN REGIONAL SOCIETY

The article examines the factors of the subjectively perceived quality of life of the population in the region. Based on the analysis of data from the sociological study “Quality of Life of the Population of the Republic of Mordovia” (2022, n=700), it is shown that the main factors influencing the subjective quality of life are the availability and variety of jobs, business opportunities, infrastructure development, availability of medical care. The identified age and settlement disproportions in assessments are mediated by the effect of “social comparison” with the reference group of respondents.

Keywords: quality of life, subjective assessments, satisfaction, locality, regional society, deprivation

Введение

Категория «качество жизни» как предмет исследования различных научных областей (экономика, социология, психология и т.д.) выступает способом понимания общественных процессов. Среди российских социальных трендов, формирующих контекст изучения качества жизни населения, следует

отметить растущую неопределенность будущего, которая связана с усложнением социально-экономической ситуации в стране. Выстраивание долгосрочных жизненных стратегий сопровождается снижением доверия населения к социальным институтам, усилением «чувства неравенства» не только в экономическом, но и в культурном поле [Нестик, Седова, Климанова, 2021: 373], что актуализирует проблемы изучения качества жизни населения.

Несмотря на сравнительно продолжительный период теоретической и эмпирической проработки проблем качества жизни населения, общепринятой содержательной операционализации и единой обоснованной методики комплексного изучения данного понятия не выработано. Это связано прежде всего с множественностью подходов к измерению качества жизни, а также вводом в научный оборот ряда синонимичных понятий, близких, но не идентичных по значению.

Сложившиеся на сегодняшний день подходы к исследованию качества жизни условно можно разделить на три группы в соответствии с индикаторами измерения. С точки зрения объективного подхода качество жизни измеряется через набор статистических и экономических показателей. Субъективный – построен на изучении самоощущения (самосознания) людей, их удовлетворенности частными аспектами качества жизни, а также ощущением счастья/несчастья. Методики, позволяющие учитывать не только объективные аспекты качества жизни, но и субъективные, отражают комбинированный подход. Большинство теоретических подходов исходят из объективно-субъективной природы качества жизни.

В западной исследовательской практике чаще рассматривается субъективное благополучие человека (subjective well-being) и счастья [Динер, 1984; Инглхарт, 2017], которое конструируется под воздействием факторов личностного характера, контекстных и ситуационных факторов, демографических, институциональных, экономических и факторов окружающей среды [Hoorn, 2007].

В отечественной практике фокус измерения смещен в сторону показателей удовлетворенности материально-бытовыми, производственными и общественно-политическими условиями жизнедеятельности [Бочаров, 2017: 204]. Качество жизни определяется как «интегративная, комплексная субъективно-объективная характеристика жизнедеятельности населения, которая выражается в уровне удовлетворенности его актуальных потребностей и может измеряться как объективными показателями уровня жизни общества, так и субъективными оценками членами этого общества степени удовлетворенности собственных потребностей» [Васильева, 2022: 67].

В работах А.М. Алмакаевой рассматривается понятие «субъективно воспринимаемое (ощущаемое) качество жизни», которое представляет собой интегральную оценку индивидом собственной жизни в целом, при этом акцент сделан на важности изучения наиболее значимых для субъекта аспектов социальной жизни [Алмакаева, 2007: 6]. Сложность измерения ощущаемого качества жизни заключается в том, что субъективная оценка может быть

основана не на универсальных критериях, выбранных исследователем, а на индивидуальных, обусловленных ценностями и приоритетами самого индивида. В этой связи возникают расхождения между ожидаемыми исследователем оценками респондента, исходя из объективных показателей качества его жизни, и тем, как он фактически ее оценивает [Леонтьев, 2020: 22]. Решающее значение при субъективной оценке качества жизни имеет социальное сравнение: индивиды сравнивают себя с референтной группой – людьми из своего окружения, занимающими сходные социальные позиции [Полухина, 2020: 85]. Данный подход стал основой для изучения факторов субъективного качества жизни регионального социума.

Материалы и методы

Выбор факторов субъективного качества жизни основан на подходах зарубежных и отечественных авторов [Алмакаева, 2021; Алмакаева, Гашенина, 2020; Васильева, 2021]. Для оценки использованы показатели, часть которых имеет константный характер: материальные возможности, безопасность, доступность медицинской помощи, качество инфраструктуры. Состав другой группы показателей сформирован на основе анализа рейтингов регионов по качеству жизни. Включены такие компоненты, как доступность и разнообразие рабочих мест, возможности для предпринимательства, качество государственных (муниципальных) услуг и сервисов.

Базой данных исследования служит очный репрезентативный опрос, проведенный ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» «Качество жизни населения Республики Мордовия» (апрель 2022 г.), который включал в себя вопросы относительно удовлетворенности различными параметрами жизни в регионе. В опросе приняли участие 700 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, статистическая погрешность составила 3,7 %. В структуре выборки соблюдались гендерная (46 % мужчин и 54 % женщин) и возрастная (18-29 лет – 15 %, 30-49 лет – 36 %, старше 50 лет – 49 %) пропорции.

Результаты

Были изучены субъективные оценки качества жизни населения на региональном и локальном (населенный пункт, в котором проживает человек) уровнях. По данным опроса, удовлетворенность выражают более половины респондентов (сумма ответов «удовлетворен» и «скорее удовлетворен») – 57 и 61 % соответственно. Доля в той или иной мере неудовлетворенных качеством жизни на уровне региона и локального места проживания опрошенных сопоставима: 32 и 33 % соответственно. Почти каждый десятый затруднился с ответом.

Рис. 1. Удовлетворенность качеством жизни на локальном и региональном уровнях

Наблюдаются различия в восприятии качества жизни жителей сельской местности и городской: доля селян, удовлетворенных своим качеством жизни как в регионе в целом, так и на уровне своего населенного пункта, более чем в 2 раза превышает долю таковых среди горожан (36 против 14 % соответственно). Очевидно, более высокие оценки качества жизни среди сельских жителей (преимущественно старшей возрастной категории) связаны не только с уровнем притязаний, отличным от городского жителя, но и с меньшим разрывом социально-экономических характеристик внутри его референтной группы. При этом позитивные оценки «локального» качества жизни сельские жители проецируют на региональный уровень.

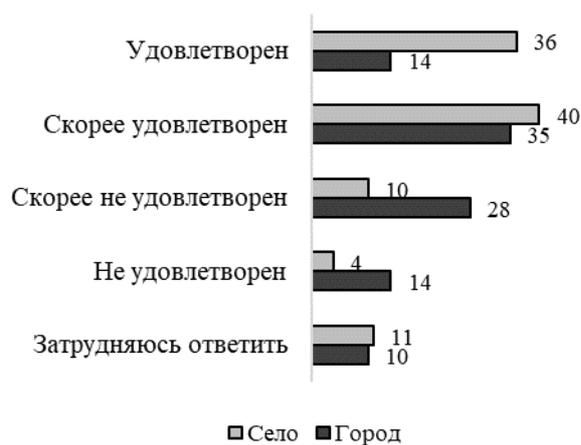

Рис. 2. Удовлетворенность населения качеством жизни на уровне республики

Рис. 3. Удовлетворенность населения качеством жизни на локальном уровне

Кроме того, различия в оценках городского и сельского населения обусловлены особенностями проживания в селе: благоприятной средой для общения и взаимодействия, «выстроенной» сетью социальных контактов.

Значимую роль в обеспечении материальной базы сельчан, наряду с оплатой труда по основному месту работы, часто играет личное подсобное хозяйство, которое позволяет чувствовать себя увереннее в завтрашнем дне [Тощенко, Великий, 2018: 19].

Респонденты старшей возрастной категории (старше 50 лет) более лояльны при оценке качества жизни в своем населенном пункте (в той или иной степени удовлетворены 66 %) и в регионе в целом (62 %). Это связано с жизненным опытом данной категории: респонденты, пережившие социально-экономический кризис 1990-х гг. в трудоспособном возрасте, часто сравнивают себя с менее обеспеченными слоями населения. Приоритетом старшего поколения выступает установка «жить не хуже других» и, соответственно, невысокий уровень притязаний. Оценки субъективного качества жизни молодых людей, напротив, характеризуются восходящей логикой сравнения – ориентацией на представления о богатстве и среднем достатке [Настина, Алмакаева, 2020: 219].

В ходе исследования был рассчитан средний балл оценки удовлетворенности респондентов тем или иным фактором качества жизни на макроуровне (регион) и микроуровне (населенный пункт). Удовлетворенность по каждому из представленных компонентов качества жизни участники опроса оценивали по пятибалльной шкале (1 – наименее низкая оценка, 5 – наиболее высокая). Респонденты с более высоким уровнем субъективного качества жизни демонстрируют более высокие оценки удовлетворенности такими параметрами, как комфортность жилищных условий, безопасность жизнедеятельности, а также качество предоставляемых государственных и муниципальных услуг. Высокие значения удовлетворенности зафиксированы также относительно уровня социальной защищенности населения и социальной справедливости.

Таблица 1. Средние значения показателей удовлетворенности различными параметрами качества жизни в зависимости от субъективных оценок удовлетворенности качеством жизни в Республике Мордовия, балл

Параметры качества жизни	Удовлетворены ли Вы качеством жизни в Республике Мордовия?				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Безопасность своя и семьи					
Материальные возможности					
Экология (качество воды и воздуха)					
Качество и доступность продуктов питания					
Качество и доступность медицинской помощи					
Качество и доступность лекарств					
Комфортность жилищных условий					
Возможность туризма, отдыха и оздоровления					

Параметры качества жизни	Удовлетворены ли Вы качеством жизни в Республике Мордовия?				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Доступность образования					
Доступность одежды и обуви					
Доступность электроники и бытовой техники					
Доступность культурно-досуговых услуг					
Доступность спортивной инфраструктуры					
Качество государственных (муниципальных) услуг					
Уровень социальной защищенности					
Доступность и разнообразие рабочих мест					
Возможность предпринимательства					
Качество инфраструктуры (дороги, транспорт, ЖКХ)					
Социальное равенство и справедливость					

Таблица 2. Средние значения показателей удовлетворенности различными параметрами качества жизни в зависимости от субъективных оценок удовлетворенности качеством жизни в населенном пункте, балл

Параметры качества жизни	Удовлетворены ли Вы качеством жизни в своем населенном пункте?				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Безопасность своя и семьи					
Материальные возможности					
Экология (качество воды и воздуха)					
Качество и доступность продуктов питания					
Качество и доступность медицинской помощи					
Качество и доступность лекарств					
Комфортность жилищных условий					
Возможность туризма, отдыха и оздоровления					
Доступность образования					
Доступность одежды и обуви					
Доступность электроники и бытовой техники					

Параметры качества жизни	Удовлетворены ли Вы качеством жизни в своем населенном пункте?				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Доступность культурно-досуговых услуг					
Доступность спортивной инфраструктуры					
Качество государственных (муниципальных) услуг					
Уровень социальной защищенности					
Доступность и разнообразие рабочих мест					
Возможность предпринимательства					
Качество инфраструктуры (дороги, транспорт, ЖКХ)					
Социальное равенство и справедливость					

Негативные оценки субъективного качества жизни как на уровне региона, так и локальных населенных пунктов, связаны прежде всего с нереализованностью респондентов в сфере труда. Работа традиционно является одной из важнейших составляющих в жизнедеятельности человека, а, соответственно, значимой компонентой его качества жизни. Однако спецификой регионального рынка труда является качественное расхождение спроса и предложения по профессионально-квалификационным критериям [Касаткина, Кирдяшкина, 2020: 7]. В этой связи значимыми для респондентов выступают недоступность, ограниченный выбор рабочих мест, а также отсутствие возможностей для предпринимательской деятельности.

Существенная роль в субъективном восприятии качества жизни принадлежит качеству инфраструктуры (дорог, транспорта, ЖКХ). Поскольку контроль коммунальной инфраструктуры лежит на органах местного самоуправления, постольку ненадлежащее качество предоставления услуг в этой сфере воспринимаются населением не только как признаки физической некомфортности среды проживания, но и как маркер неэффективности работы власти [Горина, Бурдяк, 2015: 19]. Немаловажное значение имеет также доступность медицинской помощи, что указывает на приоритетность здоровья в качестве компонента качества жизни населения в регионе.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что, с одной стороны, показатели ощущаемого качества жизни респондентов характеризуются относительно высокими значениями. С другой стороны, доля населения с негативными оценками качества жизни является значительной и свидетельствует о наличии деприваций в региональном социуме. Возрастные и поселенческие диспропорции в оценках опосредованы эффектом «социального сравнения» с

референтной группой опрошенных. Не самое высокое качество жизни сельских жителей (особенно старшего возраста) может быть скомпенсировано их приверженностью месту жительства, признанием результатов труда. Поскольку респонденты часто сосредоточены преимущественно на локальных проблемах и событиях, то свои оценки качества жизни на микроуровне (населенный пункт) они проецируют и на макроуровень (регион).

Согласно полученным данным, на субъективное (ощущаемое) качество жизни отрицательно влияет нереализованность в сфере труда. Дефицит рабочих мест, соответствующих ожиданиям потенциального работника, и отсутствие возможностей для предпринимательской деятельности способствует оттоку населения трудоспособного возраста за пределы региона.

В заключение следует отметить, что изучение российской (в том числе региональной) специфики субъективного качества жизни населения приобретает важное практическое значение, в том числе для управленческих структур, предполагающих рассмотрение параметров качества жизни как одного из важнейших показателей эффективности социальной политики.

Список литературы (References)

1. Алмакаева А. М. Субъективное благополучие и субъективно воспринимаемое качество жизни как показатели территориального развития // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 4. С. 12-20.

2. Almakava A.M. (2021) Sub"ektivnoe blagopoluchie i sub"ektivno vosprinimaemoe kachestvo zhizni kak pokazateli territorial'nogo razvitiya (Subjective well-being and subjectively perceived quality of life as indicators of territorial development). *Sociodigger*. Vol. 2. No. 4. P. 12-20. (In Russ.)

3. Алмакаева А.М. Субъективное восприятие качества жизни: теоретико-методологические и методические аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 17 с.

Almakava A.M. (2007) Subjective perception of quality of life: theoretical, methodological and methodical aspects of analysis. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of candidate of Sociological Sciences. Moscow. 17 p. (In Russ.)

4. Алмакаева А.М., Гашенина Н.В. Субъективное благополучие: концептуализация, измерение и российская специфика // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 4-13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.01>.

Almakava A.M., Gashenina N.V. (2020) Sub"ektivnoe blagopoluchie: kontseptualizatsiya, izmerenie i rossiyskaya spetsifika (Subjective Well-Being: Conceptualization, Assessment and Russian Specifics). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 4-13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.01>. (In Russ.)

5. Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 201-216. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-201-216>.

Bocharov V.Yu., Vaskina Yu.V. (2017) Sotsial'noe samochuvstvie molodykh rabotnikov promyshlennykh predpriyatiy: indikatory i faktory (Young workers' from the industrial enterprises social well-being: indicators and factors). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 2. P. 201-216. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-201-216>. (In Russ.)

6. Васильева О.В. Измерение качества жизни населения: субъективный и объективный подходы // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 4. С. 65-80.

Vasileva O.V. (2021) Izmerenie kachestva zhizni naseleniya: sub"ektivnyy i ob"ektivnyy podkhody (Measuring the quality of life of the population: subjective and objective approaches). *Journal of Wellbeing Technologies*. No. 4. P. 65-80. (In Russ.)

7. Горина Е.А., Бурдяк А.Я. Взгляд на качество жизни населения через призму городской среды // Социология города. 2015. № 2. С. 11-31.

Gorina E.A., Burdyak A.Ya. (2015) Vzglyad na kachestvo zhizni naseleniya cherez prizmu gorodskoy sredy (Quality of life in big city through the urban environment perceptions). *Urban Sociology*. No. 2. P. 11-31. (In Russ.)

8. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Inglehart R. (2018) Cultural evolution. How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World. Moscow: Mysl. (In Russ.)

9. Касаткина Н.П., Кирдяшкина Т.И. Институт содействия занятости. Бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2020. Т. 2 (6). 23 с.

Kasatkina N.P., Kirdyashkina T.I. (2020) Employment Promotion Institute. *Bulletin of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring*. Saransk: Mordovia State University Publ. Vol 2 (6). 23 p. (In Russ.)

10. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14-37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.

Leontiev D.A. (2020) Schast'e i sub"ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya (Happiness and well-being: toward the construction of the conceptual field). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 14-37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>. (In Russ.)

11. Настина Е. А., Алмакаева А. М. Роль уровня притязаний и социальных сравнений в детерминации удовлетворенности жизнью // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 206-224. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.09>.

Nastina E.A., Almakaeva A.M. (2020) Rol' urovnya prityazaniy i sotsial'nykh sravneniy v determinatsii udovletvorennosti zhizn'yu (Aspiration level and social comparison as factors in determining life satisfaction). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 206-224. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.09>. (In Russ.)

12. Нестик Т.А., Седова Н.Н., Климанова Е.Г. Будущее исследовательской индустрии: от конкуренции за бюджеты к поиску партнеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 368-386. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1899>.

Nestik T.A., Sedova N.N., Klimanova E.G. (2021) Budushchee issledovatel'skoy industrii: ot konkurentsii za byudzhety k poisku partnerov (The future of the research industry: from competing for budgets to finding partners). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 368-386. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1899>. (In Russ.)

13. Полухина Е.В. «Чувство неравенства»: что такое субъективное неравенство и как его изучать // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Том. 12. № 2. С. 81-90. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.5>.

Polukhina E.V. (2020) "Chuvstvo neravenstva": chto takoe sub"ektivnoe neravenstvo i kak ego izuchat' ("A sense of inequality": what does the subjective inequality mean and how to study it). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 2. P. 81-90. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.5>. (In Russ.)

14. Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. Т. 27. № 1. С. 7-33. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33>.

Toshchenko Zh.T., Velikiy P.P. (2018) Osnovnye smysly zhiznennogo mira sel'skikh zhitel'ey Rossii (The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia). *Mir Rossii*. Vol. 27. No. 1. P. 7-33. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33>. (In Russ.)

15. Diener E. (1984) Subjective Well-Being // *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No 3. P. 542-575.

16. Hoorn A. (2007) A Short Introduction to Subjective Well-Being: Its Measurement, Correlates and Policy Use. URL: <http://www.oecd.org/site/worldforum06/38331839.pdf>.

Сведения об авторе

Федосеева Марина Витальевна – научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга.

E-mail: marina-yuskaeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5588-1285>

About the author

Fedoseeva Marina Vitalievna – Researcher of the Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution.

E-mail: marina-yuskaeva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5588-1285>

Поступила 15.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

УДК 179

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-46-53

Н. В. Жадунова

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: zhadunovan@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И НОВАЯ ЭТИКА: ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ НОРМ ИЛИ МОРАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ¹

Статья посвящена проблемам современного общества, обусловленным цифровыми трансформациями жизни человека, неизбежным пересмотром моральных норм и принципов, регламентирующих поведение в социуме. Новые реалии цифрового мира порождают новые явления, изучение которых предполагает погружение в специфику развития цифровых технологий, возможностей машинного обучения, алгоритмов принятия решений искусственным интеллектом и прогнозирования последствий этих решений.

Ключевые слова: мораль, новая этика, нормы, инореференция, самореференция

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01167, <https://rscf.ru/project/23-28-01167/>

N. V. Zhadunova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: zhadunovan@mail.ru

DIGITAL TRANSFORMATIONS AND NEW ETHICS: FORMATION OF NEW NORMS OR MORAL DEGRADATION²

The article is devoted to the problems of modern society caused by digital transformations of human life, the inevitable revision of moral norms and principles regulating behavior in society. The new realities of the digital world give rise to new phenomena, the study of which involves immersion in the specifics of the development of digital technology, the capabilities of machine learning, artificial intelligence decision-making algorithms and predicting the consequences of these decisions.

¹ Материалы исследования представлены в докладе на круглом столе «Человек vs технологии в эпоху больших данных и искусственного интеллекта» в рамках XIII Международной Грушинской социологической конференции (Москва, 25-27 мая 2023 г.).

² The research materials were presented in a report at the XIII International Sociological Grushin Conference “Reconstruction of the World: Research of (in) a New Reality” (Moscow, May 27, 2023).

Keywords: morality, new ethics, norms, inoreference, self-reference

Acknowledgments. The article is supported by the Russian Science Foundation № 23-28-01167, <https://rscf.ru/project/23-28-01167/>

Введение и постановка проблемы

Развитие технологий машинного обучения, нейронных сетей, создание больших языковых моделей, обучающихся на больших объемах данных, позволяют делать выводы о том, что в скором времени человеческое поведение, уникальность морального выбора будут являться результатом работы искусственного интеллекта.

Способность искусственного интеллекта обрабатывать большие массивы данных, работать с разными языковыми моделями, учитывать все многообразие повторяющихся и единичных явлений, делать точные прогнозы и предлагать готовые решения создает иллюзию, что все это не только работа математически выверенных алгоритмов, но и некий ценностно обоснованный результат.

Возникает достаточно большой круг вопросов, которые требуют ответов о том, как меняются моральные нормы в современном цифровом мире и меняются ли вообще; как меняется наше отношение к нормам и к понятию «нормального», «морального». Можем ли мы с уверенностью сказать, что знаем, что такое норма, чье авторитетное мнение в определении этого вопроса будет для нас решающим? Или сегодня формирование и применение моральной нормы – это область ненаблюдаемого, неочевидного?

Мораль в «области ненаблюдаемого»

Никлас Луман в работе «Почему необходима системная теория?» писал о том, что в современном мире больше не существует авторитета, на позицию которого мы могли бы опираться, высказывая свое мнение. «...Больше не существует позиций, позволяющих делать высказывания о мире на основе авторитета. Соответственно, мир сместился в область ненаблюдаемого» [Луман, 1992].

Это можно продемонстрировать на примере тех решений, которые выдают алгоритмы искусственного интеллекта. Алгоритм поиска принимает в качестве входных данных некоторую задачу и выдает готовое решение в форме последовательности действий. Предложенная последовательность действий необязательно будет являться тем результатом, на который рассчитывает тот, кто поставил задачу. Каждый шаг этой последовательности может быть неравнозначен другому и в свою очередь предполагать иные последовательности. Следовательно, результат будет зависеть не только от последовательности действий, но и того объема данных, с которыми работает алгоритм, закономерностей, которые выявляются в процессе получения результата.

Возможно ли предусмотреть в этих условиях ситуацию, когда алгоритм принимает моральные решения? Какие данные должны быть актуализированы

для того, чтобы последовательность действий приводила к безупречному или нормативно оправданному моральному результату?

Сегодня меняется отношение к тому, что совсем недавно находилось в границах нормы, было привычным, обоснованным, либо, напротив, признавалось ненормативным, но тем не менее не выходило за пределы узнаваемого, очевидного. Это происходит потому, что тотальная цифровизация общества позволяет собирать и аккумулировать большие данные, раздвигает пространственные и временные границы, открывает новые возможности для выявления и обсуждения вопросов и проблем, которые ранее маркировались, с одной стороны, как запретные, недопустимые, предполагали однозначную, как правило, негативную оценку, с другой стороны, выявляли особенности и слабости человека, демонстрировали несовершенство культуры и общества. Так, например, идеи превосходства одного этноса или расы над другими никогда не являлись признаком нравственности, как не является нравственным стремление навязать комплекс коллективной вины тем, чьи предки были сторонниками расизма.

А.П. Скрипник полагает, что в основе формирования моральной нормы лежит механизм рекурсии, то есть многократного повторения определенного действия или мыслительной операции, что позволяет соотносить последующие однотипные действия и операции с повторяемыми многократно. Уходящая в бесконечность рекурсивности норма обосновывает себя через повторяемость, узнаваемость, универсализуемость. Она становится исходной точкой, с которой мы соотносим все, что наблюдаем, оцениваем в поступках других и совершаем сами [Скрипник, 2012].

Рекурсивность моральной нормы

В математике рекурсия – это функция, которая вызывает саму себя, но с другими значениями параметров [Юнусова, 2020: 43]. Существуют два способа решения задач с использованием рекурсии: рекурсивный процесс и итеративный процесс. Собственно рекурсивный процесс – это процесс с отложенным вычислением, не требующий подсчета и обдумывания на каждом этапе, только в итоге. Итеративный процесс предполагает подсчет промежуточного результата на каждом шаге рекурсии, не нужно запоминать, но делать вывод и передавать информацию последовательно.

И тот, и другой рекурсивные процессы аналогичны процессам формирования и применения моральных норм: человек, анализируя совершенные им поступки, может суммировать их нравственные результаты на каждом этапе жизненного пути, либо соотносить каждый поступок с идеей высшего блага, стремление к которому уходит в рекурсивную бесконечность. Применение моральных норм, обоснование их необходимости в приложении к конкретной ситуации аналогично рекурсивной процедуре, норма «вызывает саму себя» в многократном повторении. Это происходит на системном уровне, где рекурсия масштабируется в социуме и напрямую взаимосвязана с интересами другого человека, ценностным отношением к нему.

Так, исследователь Майкл Корбаллис определяет фундаментальную роль рекурсии как основную характеристику нашей мыслительной деятельности. Он полагает, что механизм рекурсии позволяет ментально перемещаться во времени, включая осознание прошлого или будущего в настоящем, удерживать важные события и проектировать свои действия с учетом оценки их последствий [Корбаллис, 2014].

Возникает иллюзия, что цифровые технологии современного мира позволяют осуществлять огромное количество мыслительных операций, которые направлены на обработку различных ситуаций морального выбора, учет многих факторов, мотивов и предпосылок без эмоциональной составляющей, которая неизбежно возникает, когда речь идет о человеке.

Однако, как отмечают исследователи, пока не решена проблема формализации этических норм, как в плане создания «форм представлений норм», так и в плане выбора «соответствующего математического аппарата для работы с этими формами: сопоставления, измерения, анализа и т. д.» [Карпов, 2018: 94].

«Как быть моральным в определенных жизненных ситуациях?»

Анализ больших данных при помощи нейронных сетей, на первый взгляд, решает проблему субъективности в оценке морального поступка, предлагает решения, основанные на большом эмпирическом материале (описании норм и правил, оценках и суждениях), которые прежде всего закрепляются и находят свое отражение в коммуникативных практиках. Это, по определению Н. Лумана, внешняя референция (инореференция) [Луман, 2004: 40], которая в цифровом мире вторична (своеобразная оценка оценивания поступков, событий, конфликтов). Норма здесь является результатом коллективного сознательного, возникающего из отдельных самореференций (первичных оценок) [Луман, 2004: 40], которые собираются, хранятся, обрабатываются и используются впоследствии как обобщенный человеческий опыт.

В процессе становления морального сознания норма одновременно является и процессом (ее в своих поступках актуализирует человек), и результатом (поступок оценивается на предмет его соответствия норме). Норма как результат многократного осмысленного повторения самореферентна, позволяет человеку адаптироваться в сообществе себе подобных, и в тоже время она исторически и биологически обусловлена.

Этот процесс описывают исследователи, изучающие вопросы формирования предморальных явлений у приматов и предков человека. Так, например, Г.А. Шиловский, А.В. Марков отмечают, что моральные нормы возникают у человека в глубокой древности, они выстраиваются на основании анализа генетических и социальных причин возникновения альтруизма как способа выживания и жизнеспособности [Шиловский, 2021; Марков, 2021]. Однако важно отметить, что не только альтруизм был отобран как основополагающая идея, «мем» [Марков, 2010: 174], наряду с этим «в нас

заложена врожденная склонность делить людей на своих и чужих и к чужим испытывать отвращение и неприязнь» [Марков, 2010: 182].

И поскольку мораль подвижна и пластична, реагирует на изменения, происходящее в обществе, то предугадать и алгоритмизировать все идеи и их изменения не представляется возможным. «Мораль – это такая сфера межчеловеческих отношений, которая реагирует на изменения в любой другой сфере. Мораль есть своеобразная надстройка, регулирующая жизнедеятельность человечества, и потому в ней отражаются все перебои последней [Скрипник, 1992: 318].

Как фиксируются «перебои» в социуме, в какой момент отклонение от нормы перестает восприниматься недопустимым, как оно отражается в поведении отдельного человека, группы людей, общества? Если в доцифровую эпоху человека волновали вопросы «Почему я должен быть моральным? «Что значит быть моральным?», которые определяли личный поиск нравственного совершенства, то сегодня задачей для алгоритмов является ответ на вопрос «Как быть моральным в определенных жизненных обстоятельствах?». Такой вопрос задает определенную последовательность действий, расчлененных на «Если А, то «хорошо»; «Если В, «плохо»; «Если С, то «допустимо», но «нежелательно» и т.д. При таком подходе главным мотивом является не стремление к благу, а стремление к обоснованной большими выборками целесообразности, выгоды, полезности, удобству потребления.

Важно отметить, что, несмотря на это, последовательность действий все равно изначально определяется человеком, разработчиком алгоритма. Так, например, в аналитическом докладе «Этика в области искусственного интеллекта – от дискуссии к научному обоснованию и практическому применению», подготовленному группой исследователей из МГИМО, отмечается, что формализация процесса принятия этически обоснованных решений во многом зависит от разработчика, его предпочтений, общественных ожиданий: «...Многомерность и разнообразие таких критериев, этических норм и правил делает труднодостижимым их формализацию в законченном, обобщенном виде. Исходя из этого, рассматривая данное направление в прагматичном плане, именно роль этики человека – разработчика или другого актора, участвующего в жизненном цикле СИИ, представляется решающей...» [Этика в области искусственного интеллекта, 2021].

Еще один вопрос, который неизбежно возникает, когда мы анализируем этические аспекты современных цифровых технологий, это вопрос доверия и недоверия к решениям, предлагаемым искусственным интеллектом, комфортности и дискомфорта в конструировании межличностных и общественных отношений, которые просчитываются алгоритмами и предлагаются как наиболее оптимальные. Сбор данных, их обработка, хранение и использование является своеобразным цифровым дисконтированием будущего, это позволяет обеспечить сохранение и передачу знаний, норм, ценностей, однако накладывает ответственность за целесообразность и прозрачность их применения как в настоящем, так и в будущем.

Заключение

Сложность и сегментированность цифрового мира формирует новую коммуникативную и нормативную реальность, в которой предлагаемые решения могут быть обоснованы случайными переменными. Моральная позиция и моральная ответственность человека могут быть выражены только в поступке, который всегда единственен и субъективен, а стремление его стандартизировать (арифметически подсчитать все «за» и «против» во всем многообразии вариантов) сводит ситуацию поступка к абсурду.

Этику цифровых технологий нельзя рассматривать как совокупность прикладных этик (этика ИИ, этика больших данных и др.), она вырабатывает собственный теоретический подход. Кто является моральным субъектом и моральным объектом, когда речь идет о рекурсивной оценке морального поступка алгоритмами?

Список литературы (Refereces)

1. Карпов В.Э., Готовцев П.М., Ройзензон Г. В К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта // Философия и общество. 2018. № 2. С. 84-105. DOI: 10.30884/jfio/2018.02.07.

Karpov V.E., Gotovtsev P.M., Roizenzon G.V. (2018) K voprosu ob etike i sistemakh iskusstvennogo intellekta (On the issue of ethics and artificial intelligence systems). *Philosophy and Society*. Vol. 2. P. 84-105. DOI: 10.30884/jfio/2018.02.07. (In Russ.)

2. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Изд-во «Логос». 2004.

Luhmann N. (2004) Society as a social system. Moscow: Logos Publ. (In Russ.)

3. Луман Н. Почему необходима системная теория. 1992. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2971> (дата обращения: 12.10.2023)

Luhmann N. (1992) Why systems theory is necessary. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2971> (accessed 12.10.2023) (In Russ.)

4. Марков А.В., Марков М.А. Коэволюция мозга, культуры и продолжительности жизни: результаты компьютерного моделирования // Биохимия. 2021. Т. 86. № 12. С. 1739-1765. DOI 10.31857/S0320972521120010.

Markov A.V., Markov M.A. (2021) Koevolyutsiya mozga, kul'tury i prodolzhitel'nosti zhizni: rezul'taty komp'yuternogo modelirovaniya (Coevolution of the brain, culture, and lifespan: insights from computer simulations). *Biochemistry (Moscow)*. Vol. 86. No. 12. P. 1739-1765. DOI 10.31857/S0320972521120010. (In Russ.)

5. Марков А.В. Эволюционные корни этики: от бактерий до человека // Историческая психология и социология истории. 2010. № 3 (2). С. 152-184.

Markov A.V. (2010) Evolyutsionnye korni etiki: ot bakteriy do cheloveka (Evolutionary roots of ethics: from bacteria to humans). *Historical Psychology & Sociology*. Vol. 3 (2). P. 152-184. (In Russ.)

6. Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. М.: Политиздат, 1992.

Skripnik A.P. (1992) *Moral evil in the history of ethics and culture*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

7. Скрипник А.П. Мораль: многообразие понятий и смыслов // Теоретический семинар сектора этики 27 ноября 2012. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/27_11_2012/KS_Content.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

Skripnik A.P. (2012) *Morality: diversity of concepts and meanings* // Theoretical seminar of the ethics sector November 27, 2012. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/27_11_2012/KS_Content.pdf (accessed 04.05.2023). (In Russ.)

8. Шиловский Г.А., Путятина Т.С., Марков А.В. Альтруизм и фенотоз как программы, поддерживаемые эволюцией // *Биохимия*. 2021. Т. 86. № 12. С. 1782-1797. DOI 10.31857/S0320972521120034.

Shilovsky G.A., Putyatina T.S., Markov A.V. (2021) *Al'truizm i fenoptoz kak programmy, podderzhivaemye evolyutsiey* (Altruism and phenoptosis as programs supported by evolution). *Biochemistry (Moscow)*. Vol. 86. No. 12. P. 1782-1797. DOI 10.31857/S0320972521120034. (In Russ.)

9. Этика в области искусственного интеллекта – от дискуссии к научному обоснованию и практическому применению: аналитический доклад / А.В. Абрамова, А.Г. Игнатъев, М.С. Панова. М.: МГИМО-Университет, 2021. 24 с.

Ethics in the field of artificial intelligence – from discussion to scientific justification and practical application: analytical report / A.V. Abramova, A.G. Ignatiev, M.S. Panova. Moscow: MGIMO-University Publ. 24 p.

10. Юнусова Л.Р., Магсумова А.Р. Рекурсивный алгоритм // *Проблемы науки*. 2020. № 2 (50). С. 43-45.

Yunusova L.R., Magsumova A.R. (2020) *Rekursivnyy algoritm* (Recursive algorithm). *Science problems*. No. 2 (50). P. 43-45. (In Russ.)

11. Corballis M.C. (2014) *The Recursive Mind: The Origins of Human Language, Thought, and Civilization*. Precenton: Precenton University Press.

Сведения об авторе

Жадунова Наталья Владимировна – кандидат философских наук, директор института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

E-mail: zhadunovan@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-9058-0488.

About the author

Zhadunova Natalia Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Director of the Institute for Corporate Education and Continuing Education of National Research Mordovia State University.

E-mail: zhadunovan@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9058-0488

Поступила 25.10.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023;
принята к публикации 01.12.2023.

УДК 179

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-54-63

Е. А. Коваль

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: nwifesc@yandex.ru

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ И БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОМУ ВООБРАЖАЕМОМУ¹

Большие данные – технология, которая оказала и продолжает оказывать существенное влияние не только на информационные процессы, машинное обучение, но и на социальные нормы и практики. С появлением алгоритмических инструментов обработки больших данных стало возможным создание принципиально новых технологий, в частности, больших языковых моделей.

Большие языковые модели способны общаться с человеком на естественном языке, благодаря чему часто наделяются человеческими характеристиками, генерируют свои нарративы в социальном воображаемом, формируя уникальный дискурс Другого и существенно влияя на способы взаимодействия людей между собой в условиях искусственной социальности.

Чем чаще в социальном воображаемом воспроизводятся антропоморфные представления о больших языковых моделях, тем сильнее их влияние не только на коммуникативные практики, но и на социальную нормативность. Возможно, они просто являются своеобразным зеркалом пользователя: чем выше интеллект вопрошающего, тем умнее выглядит модель. Но чем умнее выглядит модель, тем больше нарративов, историй, образов, мифов, очеловечивающих большие языковые модели, появляется в социальном воображаемом.

Для того чтобы защитить интересы человека в условиях искусственной социальности и сохранить в социальном воображаемом образы будущего, в которых реализуются преимущественно человеческие сценарии и практики социального бытия, необходима разработка норм и правил, регулирующих дизайн и применение технологий больших данных и искусственного интеллекта в различных сферах жизни общества, ориентированных не на максимизацию прибыли бизнеса или совершенствование технологий государственного управления, но на сохранение автономии самых обычных людей, на которых держится социальное воображаемое.

¹ Материалы исследования представлены в докладе на круглом столе «Человек vs технологии в эпоху больших данных и искусственного интеллекта» в рамках XIII Международной Грушинской социологической конференции (Москва, 25-27 мая 2023 г.)

Ключевые слова: большие данные, большие языковые модели, искусственный интеллект, социальное воображаемое, искусственная социальность

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01288, <https://rscf.ru/project/23-28-01288/>.

E. A. Koval

Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)»,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: nwifesc@yandex.ru

BIG DATA AND BIG CHALLENGES TO THE SOCIAL IMAGINARY¹

Big data is a technology that has had and continues to have a significant impact not only on information processes, machine learning, but also on social norms and practices. It has become possible to create fundamentally new technologies, in particular, large language models, with the advent of algorithmic tools for processing big data.

Large language models are able to communicate with humans in natural language, which is why they are often given human-like characteristics. Models generate their narratives in the social imaginary and form a unique discourse of the Other, influencing the ways people interact with each other in conditions of artificial sociality.

The more often anthropomorphic ideas about large language models are reproduced in the social imaginary, the stronger their influence not only on communicative practices, but also on social normativity. Perhaps they are simply a kind of mirror of the user: the higher the intelligence of the questioner, the smarter the model looks. But the smarter the model looks, the more narratives, stories, images, myths that humanize large language models appear in the social imaginary.

In order to protect human interests in the conditions of artificial sociality and preserve images of the future in the social imaginary, in which predominantly human scenarios and practices of social existence are realized, it is necessary to develop norms and rules governing the design and application of big data and artificial intelligence technologies in various spheres of society. These norms and rules should ensure, first of all, not the maximization of business profits or the improvement of public administration technologies, but the preservation of the autonomy of the most ordinary people on whom the social imaginary rests.

¹ The research materials were presented in a report at the XIII International Sociological Grushin Conference “Reconstruction of the World: Research of (in) a New Reality” (Moscow, May 27, 2023)

Keywords: big data, large language models, artificial intelligence, social imaginary, artificial sociality

Acknowledgment: The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF) (project no. 23-28-01288, <https://rscf.ru/project/23-28-01288/>)

Введение

Большие данные представляют собой сложную технологию, которая предполагает быстрое накопление, анализ огромных объемов разнообразной информации, использование ее в определенных целях. Большие данные часто описываются при помощи моделей, которые включают в себя разные наборы слов, начинающихся на «V». Первая модель включала в себя только три «V» (Volume, Velocity, Variety). Предполагалось, что большие данные характеризуются большим объемом, большой скоростью прироста и большой вариативностью. В настоящий момент в научной литературе предлагается модель 9V, включающая помимо упомянутых выше трех параметров также ценность данных, их достоверность, надежность, вязкость, которая предполагает трудность навигации по большим датасетам, визуализацию, позволяющую наблюдать несколько измерений больших данных, и вирусность, демонстрирующую скорость распространения данных в сети [Khurshid, Khan, Siddiqi, Rashid, 2018: 30]. Профессиональное сообщество обсуждает и модель 10V, куда включена, помимо прочего, уязвимость¹. Данная характеристика особенно актуальна для наборов данных, включающих персональные данные.

Следует отметить, что большие (относительно большие) данные были и раньше, но не было специальных эффективных инструментов для их обработки и использования. В настоящее время появились инструменты, которые могут обрабатывать большие объемы данных и при этом «учиться» чему-то новому.

Большие данные оказали существенное влияние на процессы машинного обучения и позволили появиться тем продуктам, которые представляют из себя совершенно уникальные технологические конструкторы, позволяющие оперировать естественным человеческим языком, образами, символами, понятными человеку. Речь идет о больших языковых моделях (Large Language Models), которые маркируются как большие по двум параметрам: объем данных, на которых они обучались, и объем параметров модели (GPT-3 – 175 миллиардов параметров).

Большие языковые модели: искусственный интеллект или зеркало пользователя?

Большие языковые модели часто маркируются как искусственный интеллект (ИИ), или даже общий (универсальный) искусственный интеллект

¹ См., например, Vulnerability – Introducing 10th V of Big Data. URL: <https://www.datasciencecentral.com/vulnerability-introducing-10th-v-of-big-data/> (accessed 02.10.2023).

(Artificial General Intelligence). Апологеты наличия у больших языковых моделей способности к пониманию языка утверждают, что такое понимание позволяет моделям ориентироваться и в социальных ситуациях [Mitchell, Krakauer, 2022]. Однако существуют и противоположные позиции. В частности, нейробиолог Т. Сейновски сравнивает большие языковые модели с зеркалом Еиналеж из «Гарри Поттера» [Sejnowski, 2023: 316]. То, что кажется интеллектом в больших языковых моделях, – это зеркало, которое отражает интеллект интервьюера. Фактически, это обратный тест Тьюринга. У вопрошающего субъекта есть определенные запросы, и модель реагирует сообразно этим запросам.

Группа исследователей из Санкт-Петербургского государственного университета, занимающихся этическим анализом в области искусственного интеллекта, не признает за большими языковыми моделями агентности или, тем более, признаков личности. Они полагают, что агент должен быть активной сущностью, то есть уметь оказывать влияние на внешний мир, быть носителем моральных качеств, обладать способностью к целеполаганию [Перов, Глебова, 2023; Ларионов, Перова, 2023]¹.

Однако насколько важен вопрос, является ли языковая модель, обученная на больших данных, искусственным интеллектом или нет, в контексте социальных исследований? Если большинство пользователей склонно к наделению таких моделей человеческими качествами, то в социальном воображаемом они будут фигурировать как антропоморфные сущности.

Социальное воображаемое в условиях искусственной социальности

Исследователи социального воображаемого, как правило, сходятся на том, что это сложное явление не является полной противоположностью социальной реальности [Herbrik, Schlechtriemen, 2019: 4].

В концепции К. Касториадиса социальное воображаемое определяется как «...непрерывное, по сути своей необусловленное творчество (как общественно-историческое, так и психическое) символов/форм/образов, которые только и могут дать основание для выражения «образ чего-то». То, что мы называем «реальностью» и «рациональностью», суть результаты этого творчества» [Касториадис, 2003]. Реальность с большими данными и технологиями их обработки уникальна, как и символы, формы, образы, творящие ее. Нам пока не с чем сравнивать текущее, здесь и сейчас образующееся социальное воображаемое, однако это не является препятствием для его изучения и, насколько это возможно, понимания.

Ч. Тейлор, определяя социальное воображаемое, делает акцент на обычных людях и на том, как они определяют себя, свои взаимоотношения с другими людьми, а также на «...тех человеческих ожиданиях, которые обычно

¹ См. результаты проекта под руководством В.Ю. Перова, поддержанного РНФ, № 22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ». URL: https://rscf.ru/prjcard_int?22-28-00379 (дата обращения: 04.10.2023).

оправдываются, и о тех более глубоких нормативных понятиях и образах, которые лежат в основе подобных ожиданий» [Тейлор, 2017: 220].

Однако в текущем социальном воображаемом как результате непрерывного творческого процесса обычные люди оперируют нормативными идеями не только о взаимодействии с людьми, но и с агентами искусственной социальности, представляющей собой «...эмпирический факт участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий» [Резаев, Стариков, Трегубова, 2020: 4].

Поскольку искусственная социальность постепенно начинает превалировать в социальном воображаемом, оно все больше заполняется идеями, образами, историями, нарративами, созданными агентами искусственной социальности. Так, если первые большие языковые модели обучились на данных, полученных от людей, то следующие поколения моделей обучаются на данных, сгенерированных в условиях искусственной социальности, что существенным образом меняет практики человеко-машинного взаимодействия.

Если социальное воображаемое эпохи Модерна базировалось на идеях прогресса и использования разума и контроля над природой во благо человечества [Buckles, 2018: 25], то в текущем социальном воображаемом эти идеи проблематизируются; помимо человека появляются иные сущности, которые не только в легендах и мифах, но и в социальных теориях способны конкурировать с ним за блага прогресса.

Трансформации социального воображаемого здесь и сейчас происходят и в иных ракурсах. Так, и самые обычные люди, которых Ч. Тейлор наделяет способностью определять и наполнять социальное воображаемое, и их социальное окружение становятся «прозрачными» в условиях непрерывного накопления больших данных. Сбор непосредственно персональных данных в беспрецедентном объеме, обработка с помощью ИИ больших наборов данных, позволяющая деанонимизировать данные и, тем самым, возвращать им статус персональных, аналитика, осуществляемая ИИ и основанная на использовании непредсказуемых для человека взаимосвязях между различными данными, – все это сужает пространство частной жизни, которая хотя бы *de jure* еще является неприкосновенной.

Впрочем, обычные люди добровольно предоставляют данные о себе государству, бизнесу, ученым в обмен на удобства, которые они получают от использования цифровых продуктов. Однако то, что они предоставили добровольно, соединяется с тем, что берется без их согласия. Например, контент, размещаемый в социальных сетях, IT-организации используют в своих целях: обучение больших языковых моделей, производство таргетированной рекламы, манипуляции политическими или потребительскими предпочтениями, конструирование метавселенных. Бизнес получает прибыль, обычные люди – услуги и продукты, облегчающие жизнь. Однако обычные люди часто остаются в убытке (за услуги тоже нужно платить), и речь идет не только о деньгах: в мире

больших данных становится еще более заметным дисбаланс власти человека и государства, бизнеса, IT-экспертов.

В сложившейся ситуации требуются новые нормы и правила, позволяющие защитить обычного человека, который в социальном воображаемом представляет интересы людей в условиях искусственной социальности. Г. Хассельбалх называет такие нормы и правила этикой власти, основанной на данных. Она необходима, чтобы «...сделать видимыми властные отношения, встроенные в социотехнические инфраструктуры больших данных и искусственного интеллекта» [Hasselbalch, 2021: 1].

Этика власти, основанная на данных, способна стать значимым элементом социального воображаемого, в котором любой часто повторяющийся нарратив становится более реальным, чем сама реальность. Если постоянно будет транслироваться или воспроизводиться идея о том, что большие языковые модели, обучающиеся на больших данных, обладают агентностью, значит, они станут для нас агентами. Это существенным образом влияет на повседневные практики, а практики влияют на социальное воображаемое, в котором существуют не только ценностно-нормативные представления обычных людей, но и социальные теории, которые тоже меняются и будут меняться под влиянием формирующихся в массовом сознании образов больших языковых моделей.

В условиях воспроизводства искусственной социальности перекраивается ткань социального воображаемого, которое наполняется новыми историями, нарративами, легендами, мифами и, что наиболее существенно, представлениями о новом моральном порядке. Меняются привычные нам моральные ценности, нормы, практики, представления об автономии, приватности, доверии. Появляются новые вызовы соблюдению баланса общего и индивидуального блага. Совершенно по-другому могут быть переосмыслены процессы причинения вреда и возложения ответственности за причиненный вред в том случае, если речь идет о больших данных и нейросетях, которые на них обучены.

Одна из наиболее серьезных трансформаций социального воображаемого происходит в сфере восприятия Другого. С одной стороны, если соглашаться с позицией Т. Сейновски, то языковые модели, обученные на больших данных, просто отзеркаливают запросы пользователя. Формируется образ большой языковой модели как профессионала, надежного партнера или даже друга, приятного собеседника, субъекта, которому можно довериться и который не способен к предательству. Большие языковые модели умеют говорить то, что хочет автор промпта, главное, правильно его сформулировать. Но, с другой стороны, большие языковые модели обучены на больших данных, а это значит, что они представляют некоего усредненного Другого. Это своеобразные чудовища Франкенштейна, собранные из частей разных Других, точнее, из разных частей человеческих (пока еще в основном человеческих) историй и нарративов. Они фигурируют в социальном воображаемом и существенно воздействуют на наши коммуникативные практики и иные взаимодействия друг с другом. Более того, Другой во многом определяет ценностно-нормативное

пространство, в котором мы существуем. Как пишет К. Касториадис, «Другой есть начало и воображаемый источник неких «надо» и «не надо», зародыш нормы» [Касториадис, 2003]. Если мы воспринимаем большие языковые модели и технологии как Другого, то этот Другой получает возможность влиять на социальную нормативность и различные ее варианты. Чем больше мы наделяем человекоподобными чертами технологии, тем серьезнее будут последствия для статуса человека в условиях искусственной социальности.

К. Касториадис провидчески называет мир, в котором «автономизация техники, утратившая всякую меру и не служащая более никаким точно определенным целям, обретает непосредственно ощущаемые формы», жертвой систематического бреда [Касториадис, 2003]. Социальное воображаемое здесь проигрывает технологическому воображаемому, в котором социальные проблемы решаются трансформацией инфраструктуры данных [Lehtiniemi, Ruckenstein, 2019].

В таких условиях агенты искусственной социальности, как и люди, попадают во власть дискурса Другого, и, хотя они не могут формировать отношение к чему-либо, в том числе, к социальному воображаемому, но способны опосредованно конструировать дискурс Другого. И чем выше степень рационализации, тем сильнее подчиненность воображаемому [Касториадис, 2003].

Сами агенты искусственной социальности на запросы о возможности воздействия на социальные нормы и практики отвечают, что цели и намерений такого рода у них нет (ChatGPT, см. рис. 1), но, в то же время, есть инструменты влияния на публичный дискурс (GigaChat, см. рис. 2). Ответственность при этом возлагается на людей (разработчики, специалисты, ответственные за разворачивание и дообучение модели на специально подготовленных данных, пользователи, формулирующие запросы и принимающие социально значимые решения на основе ответов модели) и более широкий социальный контекст.

Таким образом, в текущем социальном воображаемом появился новый Другой, который, как и любой иной Другой, всегда воображаем. Этот Другой – не человек, но мы сами вменяем ему человеческие черты и чувства, причины действий, эмоции, способности к эмпатии и пр. Тем самым мы делегируем ему право быть «зародышем нормы» или источником социальной нормативности и оказываемся в положении ребенка, которому необходимо показать, что ничто и «...никто из всех тех, кого бы он ни повстречал, не может быть источником и безусловным хозяином означивания» [Касториадис, 2003].

Памятуя об этом, следует также учитывать, что языковые модели, обученные на больших данных, оперируют воображаемыми смыслами, сгенерированными преимущественно в той культуре, которая послужила источником данных, но это не делает алгоритмы носителями этой культуры. Осуществляя очередную переработку воображаемых символов, большие языковые модели меняют преимущественно периферическое воображаемое. Пока волна трансформаций не докатилась до центрального воображаемого, у нас еще есть время на воспроизводство привычной социальности.

As an AI language model can you influence the social imaginary?

As an AI language model, my purpose is to assist and provide information rather than actively shape the social imaginary. While I can generate text and engage in discussions, I don't possess agency or intentions of my own. I can present different perspectives, ideas, and information based on the data I've been trained on, but the interpretation and influence of that information ultimately depend on the individuals who engage with it.

The social imaginary is primarily shaped by the collective beliefs, values, and interactions of individuals within a society. It is influenced by a wide range of factors, including cultural, historical, political, and economic forces. While AI technology, including language models like myself, can have an impact on society and shape public discourse to some extent, the responsibility for interpreting and critically engaging with the information lies with individuals and the broader social context.

It's important to recognize that AI technologies are tools that can be used to support and enhance human decision-making, creativity, and problem-solving. Ultimately, it is the users and society at large who have the agency to shape the social imaginary based on their own values, perspectives, and interactions with technology and information.

Рис. 1. Ответ ChatGPT (OpenAI) на запрос о возможности влияния на социальное воображаемое

— Да, языковая модель искусственного интеллекта может влиять на социальное воображаемое. Например, если модель использует термины или понятия, которые не являются общепринятыми или широко используемыми, это может изменить то, как люди представляют себе определенные социальные сценарии. Кроме того, языковые модели могут также влиять на то, как люди интерпретируют и понимают язык и коммуникацию в целом.

Рис. 2. Ответ GigaChat (Сбер) на запрос о возможности влияния на социальное воображаемое

Выводы

Итак, когда мы рассуждаем о специфике влияния больших данных, искусственного интеллекта и иных технологий на социальное воображаемое, необходимо понимать, чего мы больше боимся: того, что в социальном сценарии изменятся роли и, например, искусственный интеллект отберет у нас работу; или же принципиального изменения самого сценария, в котором, возможно, не будет ни работы, ни человека, но появятся какие-то совершенно иные агенты и формы взаимодействия. Рационализация текущих вызовов и угроз – первый шаг на пути

к определению оптимальных способов выживания и развития человека в условиях искусственной социальности.

Прошлое оживает и довлеет над настоящим, воздействуя на будущее. Сегодня у общества появляется прошлое с искусственной социальностью, но оно еще помнит прошлое без подобного рода «изюминки» и может конструировать в социальном воображаемом образы будущего, в котором агенты искусственной социальности довольствуются статусом требующих тонкой настройки инструментов.

Список литературы (References)

1. Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис; Логос, 2003. URL: library.khpg.org/files/docs/1385716028.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

Castoriadis C. (2003) *The Imaginary Institution of Society*. Moscow: Gnosis; Logos Publ. URL: library.khpg.org/files/docs/1385716028.pdf (accessed 01.10.2023). (In Russ.)

2. Ларионов И.Ю., Перова Н.В. «Машина бога» Дж. Савулеску как моральный агент и проблема ответственности // *Человек*. 2023. Т. 34. № 3. С. 24-40. DOI 10.31857/S023620070026101-8.

Larionov I.Yu., Perova N.V. (2023) "Mashina boga" Dzh. Savulesku kak moral'nyy agent i problema otvetstvennosti (J. Savulescu's "The God machine" as a moral agent and the problem of responsibility). *Chelovek*. Vol. 34. No. 3. P. 24-40. DOI 10.31857/S023620070026101-8. (In Russ.)

3. Перов В.Ю., Глебова С.В. Моральная ответственность морального агента: дескриптивный и нормативный подходы // *Человек*. 2023. Т. 34. № 3. С. 41-59. DOI 10.31857/S023620070026102-9.

Perov V.Yu., Glebova S.V. (2023) *Moral'naya otvetstvennost' moral'nogo agenta: deskriptivnyy i normativnyy podkhody* (Moral responsibility of a moral agent: descriptive and normative approaches). *Chelovek*. Vol. 34. No. 3. P. 41-59. DOI 10.31857/S023620070026102-9. (In Russ.)

4. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // *Социологические исследования*. 2020. № 2. С. 3-12. DOI 10.31857/S013216250008489-0.

Rezaev A., Starikov V., Tregubova N. (2020) *Sotsiologiya v epokhu «iskusstvennoy sotsial'nosti»: poisk novykh osnovaniy* (Sociology in the Age of 'Artificial Sociality': Search of New Bases). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 2. P. 3-12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0 (In Russ.)

5. Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017.

Taylor Ch. (2017) *A Secular Age*. Moscow: BBE Publ. (In Russ.)

6. Buckles J. (2018) *Education, Sustainability and the Ecological Social Imaginary*. Palgrave Macmillan Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-74442-1>.

7. Hasselbalch G. (2021) *Data Ethics of Power. A Human Approach in the Big Data and AI Era*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publ.

8. Herbrink R., Schlechtriemen T. (2019) Editorial for the special issue “Scopes of the Social Imaginary in Sociology” in the *ÖZS. Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. No. 44. P. 1-15. <https://doi.org/10.1007/s11614-019-00370-3>.
9. Khurshid K., Khan A.A., Siddiqi H., Rashid I. (2018) Big Data-9Vs, Challenges and Solutions. *Technical Journal*. Vol. 23. No. 3. P. 28-34.
10. Lehtiniemi T., Ruckenstein M. (2019) The social imaginaries of data activism. *Big Data & Society*, 6. P. 1-12. DOI:10.1177/2053951718821146.
11. Mitchell M., Krakauer D.C. (2022) The debate over understanding in AI’s large language models. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 120. P. 1-13. DOI:10.1073/pnas.2215907120.
12. Sejnowski T.J. (2023) Large Language Models and the Reverse Turing Test. *Neural Computation*. No. 35 (3). P. 309-342. doi: https://doi.org/10.1162/neco_a_01563.

Сведения об авторе

Коваль Екатерина Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник Института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета. Занимается изучением вопросов нормативности морали, права, религии. Автор более 170 научных и учебно-методических работ.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

About the author

Koval Ekaterina Alexandrovna – Doctor of Philosophical Sciences, professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), leading researcher of the Institute for Corporate Education and Continuing Education of National Research Mordovia State University. Engaged in studying the problems of moral, law and religion normativity. The author of over 170 scientific and educational works.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

Поступила 06.10.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

УДК 177

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-64-78

А. А. Сычев

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: sychevaa@mail.ru

ЦЕННОСТЬ ДОВЕРИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НОВОЙ ЭТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ¹

В статье рассмотрена трансформация отношений доверия в условиях развития информационного общества. «Цифровое доверие» рассматривается в двух аспектах: как уверенность человека в надежности цифровых систем и как доверие к людям, опосредованное современными информационными технологиями. Сверхдоверие к цифровым технологиям рассмотрено в контексте технооптимизма. Это доверие подрывается ограниченностью, непрозрачностью, предвзятостью алгоритмов искусственного интеллекта, возможностью технических сбоев и злоупотреблений при его функционировании, что порождает иную крайность – цифровое сверхнедоверие. Демонстрируется, что опосредованность общения в цифровой среде, создающая возможности для введения собеседника в заблуждение, подрывает доверие к людям. По мере совершенствования алгоритмов ИИ (искусственного интеллекта) появляется все больше возможностей для создания «дипфейков», ИИ все легче выдать за человека, а результаты его работы – за авторский продукт.

Еще более актуальной проблемой является усиливающаяся поляризация ценностей в интернет-пространстве. Формирование «пузыря фильтров» создает условия, при которых пользователь утверждает в приоритетности личных интересов и безальтернативности собственной ценностной позиции, а любые противоположные позиции воспринимает как изначально неверные. В статье показано, как особенности сетевой коммуникации способствуют формированию, с одной стороны, норм «новой этики», а с другой – усилению позиций сторонников коллективной морали. Эта поляризация ценностей обостряет конфликтность в современном обществе, поддерживая доверие к одним за счет исключения других. Автор делает вывод, что отношения доверия можно выстроить лишь в том случае, если общество и индивид будут готовы согласовывать свои интересы и двигаться навстречу друг к другу.

Ключевые слова: доверие, информатизация, «новая этика», цифровые системы, искусственный интеллект

¹ Материалы исследования представлены в докладе на круглом столе «Человек vs технологии в эпоху больших данных и искусственного интеллекта» в рамках XIII Международной Грушинской социологической конференции (Москва, 25-27 мая 2023 г.)

Благодарность: статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01167, <https://rscf.ru/project/23-28-01167/>

A. A. Sychev

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, e-mail: sychevaa@mail.ru

THE VALUE OF TRUST IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND NEW ETHICS: PROBLEMS AND CHALLENGES¹

The article examines the transformation of trust in the context of the development of the information society. “Digital trust” is considered in two aspects: as a person’s confidence in the reliability of digital systems and as trust in people, mediated by modern information technologies. Overtrust in digital technologies is considered as a modern form of techno-optimism. Trust is undermined by the narrowness, opacity, bias of artificial intelligence algorithms, the possibility of technical failures and malicious interference during its functioning, which gives rise to another extreme – digital super-distrust. It is demonstrated that the indirectness of communication in the digital environment, which creates opportunities for misleading the interlocutor, undermines trust in people. As AI (artificial intelligence) algorithms improve, more and more opportunities arise for creating “deepfakes”; it becomes increasingly easier to take AI as a person, and the results of its work as an original product.

Another problem is the polarization of values in the Internet space. The formation of a “filter bubble” creates conditions under which the user affirms the priority of personal interests, the lack of alternative to his own value position, and perceives any opposing positions as initially incorrect. The paper shows how the features of network communication contribute to the formation of the norms of “new ethics” and, at the same time, to the support of the value system based on the priority of the common good. This confrontation exacerbates conflict in modern society, maintaining trust among one group of people at the expense of excluding other groups. The author concludes that relationships of trust can only be built if society and the individual are ready to coordinate their interests and move towards each other.

Keywords: trust, informatization, “new ethics”, digital systems, artificial intelligence

Acknowledgment: the study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-28-01167, <https://rscf.ru/project/23-28-01167/>

¹ The research materials were presented in a report at the XIII International Sociological Grushin Conference “Reconstruction of the World: Research of (in) a New Reality” (Moscow, May 27, 2023)

Введение

В последние десятилетия информационные технологии прочно закрепились во всех сферах общественной жизни. Межличностное взаимодействие в значительной мере опосредовано социальными сетями: с их помощью знакомятся, ищут работу, просят и получают советы. Современную экономику невозможно представить вне системы электронных платежей и технологий блокчейна. Государственные услуги оказываются населению в режиме онлайн, документооборот переводится в электронный вид, для идентификации личности используются цифровые подписи. Наука, образование, правосудие, медицина все активнее используют технологии больших данных. Темпы информатизации многократно ускорились в условиях локдауна во время пандемии COVID-19, сделав особо актуальным вопрос о надежности информации, полученной через социальные сети, к электронному правительству и цифровой экономике, к возможностям ИИ. Анализ ценностных изменений в системе взаимодействия человека и техники и в межличностных отношениях подтверждает, что «в цифровую эпоху вопрос доверия приобретает особенно важное значение» [Nandhakumar, 2004: 77].

Доверие – сложное и многомерное понятие, рассматриваемое исследователями с разных позиций и на различных уровнях теоретического обобщения [Селигмен, 2002; Фукуяма, 2008; Штомпка, 2012]. В настоящем исследовании оно рассматривается в наиболее общем смысле: как «уверенность в надежности человека или системы в отношении некоторого данного множества ожидаемых результатов или событий, где эта уверенность выражает веру в доброе имя или любовь другого или в правильность абстрактных принципов (технического знания)» [Гидденс, 2011: 150-151].

Применительно к современному обществу можно говорить о процессе серьезной трансформации доверия под воздействием новых технологических инноваций [Веселов, 2020; Перов, 2021; Ушкин, 2023] и ценностных конфликтов [Эпштейн, 2021; Коваль, 2021, Жадунова, 2023 и др.].

Целью статьи является выявление особенностей функционирования доверия в условиях цифрового общества. В ней, с одной стороны, ставится вопрос о надежности новых *цифровых систем* (социальных сетей, элементов цифровой экономики, электронного правительства, ИИ), а с другой – прослеживаются тенденции катастрофического падения доверия к *людям*, общение с которыми в пространстве сетевой коммуникации приобретает конфликтный характер.

Доверие к цифровым системам

Вера человека в надежность цифровых систем является современным проявлением технооптимизма – характерной для культуры Нового времени веры в то, что технологии превосходят возможности человека и потому на них можно переложить всю сложную и монотонную работу, повышая тем самым качество человеческой жизни. Так, компьютер надежнее человека, поскольку способен быстрее и точнее производить вычисления, не имеет предвзятого отношения к

кому-либо, не подвержен влиянию настроения. ИИ может найти более эффективные решения в тех областях, где человеческий мозг не справляется с планированием из-за необходимости принимать во внимание слишком большое количество взаимозависимых факторов. Поэтому при сложных многомерных проблемах на компьютерные технологии обработки и анализа больших данных будет разумнее полагаться, чем на человека.

Технооптимизм применительно к цифровым технологиям по мнению В.Ю. Перова базируется на нескольких допущениях: «а) этические проблемы связаны с людьми; б) цифровые технологии являются беспристрастными, то есть этически нейтральными; в) если «убрать» людей из их функционирования, то цифровым технологиям можно доверить практически все. Технологии становятся trustworthy в смысле «благонадежными»; г) пропадает доверие как проблема, поскольку люди не могут помешать ей функционировать посредством любых форм контроля, а сами технологии являются самодостаточными и безошибочными (или минимально ошибочными по сравнению с людьми). Эту ситуацию можно обозначить как формирование установки на «сверхдоверие» [Перов, 2021: 215].

С точки зрения технооптимизма системы ИИ должны взять на себя большую часть обязанностей врачей, юристов, чиновников, преподавателей и других профессионалов, обслуживающих ключевые сферы общественной жизни. Они способны справиться лучше, чем человек, с вождением машин и поездов, пилотированием самолетов. В перспективе возможно превращение «слабого» ИИ в «сильный». Массовая культура, учитывая эти тенденции, описывает возможные сценарии будущего, где ИИ превращается в равноправного партнера человека, и ставится вопрос о его моральном и правовом признании [Сычев, 2020: 141-172].

Действительно, информационные технологии существенно облегчили жизнь человечества, однако в ходе их применения проявились серьезные проблемы, которые ставят оптимистические прогнозы под сомнения и подрывают установки на «сверхдоверие».

Одна из центральных проблем связана с необходимостью учитывать сложные, многомерные и динамично изменяющиеся условия реальности при принятии морально значимых решений, то есть решений, которые предполагают выбор между моральными ценностями и могут иметь серьезные последствия для тех, кого они затрагивают. Например, при обучении ИИ вождению возникают типичные вопросы о том, как следует поступать самоуправляемой машине в ситуации выбора и какие ценности должны быть для нее определяющими. Вряд ли общие принципы способны стать четким ориентиром для конкретных действий в экстремальных ситуациях. Так, широко известны законы робототехники, предложенные Айзеком Азимовым, первый из которых гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Однако реальность гораздо сложнее нормативных схем: на практике периодически складываются условия, в которых этот закон нельзя применить, поскольку спасение одного человека (например,

пассажира самоуправляемого автомобиля) может привести к гибели другого (пешехода) или наоборот. В этом случае возникает необходимость разработки критериев для сопоставления моральной ценности возможных жертв.

Разработчики пытаются очертить все значимые факторы, учитывая которые ИИ должен сделать моральный выбор. В эксперименте «Moral Machine» обобщаются ответы респондентов с разным культурным опытом на вопросы о том, что в подобных случаях должна сделать машина: продолжать движение или свернуть; спасать пассажиров или пешеходов, мужчин или женщин, молодых или старых; как относиться к нарушителям правил дорожного движения и животным; как учитывать численность групп и т.д. Всего предлагается девять факторов, способных, по мнению разработчиков, повлиять на выбор [Awad, 2018: 59-64]. Однако очевидно, что, если даже будет установлено устраивающее всех количественное соотношение всех этих факторов и их комбинаций (что само по себе более, чем проблематично), всегда будут возникать новые, не учтенные ранее факторы и нештатные ситуации, которые невозможно заранее предугадать и прописать в программе. В этом аспекте доверять ограниченному жесткими схемами ИИ жизнь людей было бы, по меньшей мере, неразумно.

Для того чтобы справиться с этой проблемой, самообучаемые системы ИИ должны корректировать свои алгоритмы, увеличивая количество рассчитываемых параметров и используя большие объемы данных (часто недоступные для обработки обычным человеческим мозгом). Учитывая эти преимущества, возможно, они смогут найти более эффективные способы разрешения нештатных ситуаций, чем большинство обычных водителей автомобилей. Однако при этом возникает иная проблема: количество принимаемых во внимание параметров становится настолько большим, что даже специалисты оказываются неспособны разобраться в логике принятия решений. В таком случае ни понять их, ни проконтролировать работу алгоритмов ИИ невозможно: они представляют собой «черный ящик». Фактически жизнь человека ставится в зависимость от решений ИИ, базовые основания для формирования которых (пути от конкретных норм до общих принципов) не могут быть прослежены. Насколько разумным будет слепое доверие таким решениям? Более безопасным представляется запрет на использование «непрозрачных» алгоритмов, по крайней мере в наиболее критичных областях человеческой жизни (медицина, военное дело, юриспруденция и т.д.).

Таким образом, если алгоритмы доступны для понимания и контроля, то они не способны учесть всего многообразия факторов, влияющих на решение; если же ИИ обучается анализировать большое количество факторов, его алгоритмы становятся «непрозрачными».

Еще одна проблема связана с тем, что действия ИИ нельзя назвать в полной мере беспристрастными – они зависят или от установок разработчиков, на программном уровне закладываемых ценностные приоритеты для принятия решений, или от мнений тех людей, действия или суждения которых были проанализированы в ходе обучения ИИ. Все эти мнения не свободны от

предвзятости, которые впоследствии будут устойчиво воспроизводиться и в алгоритмах принятия решения.

Так, для создания алгоритмов вождения беспилотных автомобилей необходимо определиться с базовыми ценностями. Алгоритмы будут действовать согласно вложенным в них разработчиками ценностным установкам: религиозным или философским, утилитаристским или деонтологическим и т.д. Поскольку согласия по поводу приоритетности тех или иных установок не существует, любая система «предустановленных» ценностей будет восприниматься оппонентами как предвзятая.

Если ИИ сам вырабатывает алгоритмы выбора, обучаясь на реальных примерах, он автоматически приобретает и предрассудки с этим выбором связанные. Так, алгоритм, который применялся для приема на работу в компании Amazon, проанализировав данные о приеме в компанию за предыдущее десятилетие, стал чаще отказывать женщинам. Нечто похожее случилось при использовании ИИ для назначения типа и срока наказания: система Compas, основываясь на статистике рецидивов, предлагала более жесткие наказания чернокожим преступникам. Чат-бот Tay компании Microsoft, обучаясь в процессе общения с пользователями Twitter, стал позволять себе расистские и сексистские высказывания и т.д.

Для того чтобы решения ИИ были в полном смысле непредвзятыми, он должен учиться распознавать и отсеивать предрассудки (даже в тех случаях, когда о них не подозревают их носители). Здесь можно говорить о специфическом понимании цифрового доверия (пока еще в метафорическом значении) как уверенности в надежности системы моральных ценностей, субъектом которого на этот раз становится сам ИИ, а объектом – люди, совершающие свой выбор (а возможно и другие системы ИИ). Теперь ИИ чтобы получать информацию, которой можно доверять, приходится проверять ее надежность: сравнить данные разных независимых источников, выявить конфликты интересов т.д. Тем не менее, маловероятно, что ИИ сможет полностью избавиться от предрассудков, уже в силу того, что сами предрассудки трактуются неоднозначно (например, одни считают таковыми отказ относиться ко всем группам одинаково, а другие – отсутствие предпочтений для дискриминируемых групп).

Даже если эта проблема имеет удовлетворительное программное решение, и ИИ начнет приходить к относительно непредвзятым выводам, это еще не значит, что ему можно будет безоговорочно доверять. Самые эффективные алгоритмы способны дать сбой из-за непредвиденных технических неполадок. «Сверхдоверие» в подобных условиях может привести к катастрофическим последствиям. В.Н. Рисухин, анализируя крушение самолета А-320 во Франции в 1992 году, делает вывод, что ее причиной могло стать чрезмерное доверие пилотов к бортовой автоматике: «Хотя ошибка, вызвавшаяся в чересчур крутом снижении, могла быть легко выявлена по необычному пространственному положению самолета (сильно опущенной носовой части фюзеляжа), пилоты полностью положились на систему автоматического управления полетом»

[Рисухин, 2006: 25]. При этом чем сложнее становятся технические системы, тем больше уязвимостей в них появляется. В случае с «непрозрачными» алгоритмами ИИ многие ошибки, вызванные техническими сбоями, нельзя будет даже идентифицировать.

Наконец, нельзя исключить и злонамеренное вмешательство в работу цифровых систем. Ускорение процесса цифровизации деятельности человека одновременно приводит к росту киберпреступности, увеличивая тем самым количество рисков в разных сферах жизни, включая угрозы для жизни людей. Так, в результате хакерской атаки на ИТ-систему университетской клиники в Дюссельдорфе на некоторое время вышли из строя аппараты жизнеобеспечения. Как предполагают журналисты, это стало причиной смерти одной из пациенток¹. По мере цифровизации различных сфер человеческой деятельности возникает все больше таких случаев, а их последствия оказываются все катастрофичнее.

Возможность ошибок и злоупотреблений, ограниченность, непрозрачность, предвзятость являются факторами, существенно подрывающими доверие к цифровым системам. Опасения по их поводу являются питательной почвой для новой волны антицифрового луддизма. В крайних своих формах это недоверие выражается в отрицании методов электронной идентификации, отказах от ИНН, страхе перед массовым чипированием и т.д., в контексте той или иной теории заговора. В массовой культуре эти фобии воплощаются в образах Skynet, Матрицы и прочих систем ИИ, обернувшихся против своих творцов и поработивших их.

Как чрезмерное доверие к цифровым системам, так и чрезмерное недоверие к ним представляются опасными крайностями. В современном информационном мире необходим поиск *оптимума* доверия, равноудаленного как от чрезмерного технооптимизма, так и от иррациональной технофобии.

Доверие к человеку в условиях цифровизации

По мере развития информационного общества общение людей становится все более опосредованным. Новые технические средства создают условия для формирования цифровых проекций человека, замещающих собой оригинал. Человек может сконструировать в сети свой виртуальный образ, не совпадающий с реальным, скрыть или исказить информацию о себе, выдать себя за кого-то другого.

Привлечение к этому процессу ИИ позволило создать технологию дипфейков, которая позволяет имитировать голос другого человека, подделывать фотографии или видеозаписи с его участием, а также синтезировать образы личностей, не существующих в реальности [Ушкин, 2023: 71-80]. В этих условиях всегда присутствует вероятность, что собеседник в сети может быть

¹ Eddy M., Perlroth N. Cyber Attack Suspected in German Woman's Death // The New York Times. Sept. 18, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/09/18/world/europe/cyber-attack-germany-ransomware-death.html>.

совсем не тем, за кого он себя выдает, а значит уровень доверия к нему должен быть существенно ниже, чем при общении лицом к лицу.

Возможность скрыться за маской или псевдонимом нередко приводит к т.н. «эффекту растормаживания», при котором моральные барьеры, ограничивающие поведение человека в реальной жизни, в интернет-пространстве ослабевают или исчезают. Иллюзия невидимости и ощущение безнаказанности нередко приводит к тому, что человек начинает позволять себе чересчур резкие и оскорбительные высказывания по отношению к некоторым лицам и группам. Немодерируемое обсуждение любых чувствительных тем рано или поздно приводит к обмену прямыми оскорблениями, на фоне которого вопрос о доверии ставиться вообще не может. При общении лицом к лицу люди лучше контролируют свои высказывания уже в силу того, что рискуют стать объектом ответного физического воздействия. В итоге поведение человека может радикальным образом отличаться от поведения его проекции, сконструированной в интернете. В этом случае возникает вопрос о том, что является истинным лицом, а что маской. Возможно, именно в условиях анонимности человек демонстрирует свои истинные убеждения (судя по высказываниям на интернет-форумах и в социальных сетях, все чаще предполагающие ненависть к другому и ксенофобию)? Если это так, то серфинг в виртуальном пространстве способен убедить многих пользователей, что не стоит чрезмерно доверять людям и в реальной жизни.

По мере совершенствования нейросетей взаимодействие человека с ИИ из имитации общения фактически превращается в полноценную коммуникацию [Ушкин, 2022: 361-376]. Поэтому по мере бурного развития технологий все чаще возникают ситуации, в которых собеседник выдает себя даже не за другого человека, а за человека, не являясь им на самом деле.

Для того, чтобы проверить, является ли собеседник человеком или машиной, используются различные тесты. Однако параллельно с усложнением таких тестов развиваются и способности ИИ их обходить. Так, Google для того, чтобы подтвердить, что пользователь не является роботом, использует снимки из Street View (где необходимо отметить все снимки со светофорами, пешеходными переходами, дорожными знаками и т.д.). Результаты прохождения этих тестов в дальнейшем используются для обучения ИИ управлению беспилотными автомобилями. Иными словами, с одной стороны, Google разрабатывает тесты для выявления ИИ, а с другой – обучает ИИ, как с этими тестами справиться.

Алан Тьюринг полагал, что рано или поздно ИИ научится обходить любые тесты, то есть в общении его невозможно будет отличить от человека. В этой связи возникает вопрос о нормах отношения к ИИ, обладающему такими возможностями: если его поведение будет в полной мере человеческим, следует ли и относиться к нему, как к человеку?

Хотя анонимность все еще является важной характеристикой сетевого общения, по мере усиления административного и общественного контроля над интернетом ее сфера сужается. Процессы информатизации не только облегчают

возможности коммуникации, но и предоставляют государству широкие возможности для осуществления контроля за деятельностью человека на всех ее уровнях. Новые технологии позволяют аккумулировать конфиденциальные данные, регулировать доступ к различным сервисам и локациям, проверять частную переписку, разговоры и публичные высказывания на предмет нарушений закона, отслеживать передвижения, финансовые транзакции и сетевую деятельность. Все чаще высказывания с применением «языка вражды» становятся либо основанием для судебного разбирательства (если власть видит в них угрозу для себя), либо поводом для сетевого остракизма (если они противоречат убеждениям сторонников «новой этики»). В этой ситуации люди предпочитают скрывать свое мнение либо притворно демонстрировать согласие с властью или активистами. В итоге далеко не всегда следует доверять тому, что в интернет-пространстве позиционируется как мнение большинства.

Таким образом, как полная анонимность, так и жесткий внешний контроль подрывают доверие к людям, общение с которыми опосредовано новыми цифровыми технологиями.

Еще одна проблема, влияющая на уровень доверия в обществе, связана с тем, что с некоторыми задачами ИИ справляется не только так же хорошо, как человек, но значительно быстрее и лучше человека. Поэтому все чаще возникают случаи, когда люди выдают результаты деятельности ИИ за свои. Так, широкую известность получил кейс студента РГГУ Александра Ждана, который признался в том, что защитил диплом, написанный нейросетью ChatGPT. Сегодня система «Антиплагиат» распознает тексты, сгенерированные ИИ, однако, как и в случае со Street View, разработка алгоритмов, обходящих эти ограничения – вопрос техники и времени. Доступность текстов в интернете уже превратила написание большей части рефератов, курсовых и дипломных работ в копирование и перефразирование, а успехи ИИ на этом поприще и вовсе ведут к кризису перепроизводства учебных и научных текстов, в массе которых сложно будет вычленивать что-то действительно новое и значимое.

Другой известный кейс представлен победой на фотоконкурсе Sony World Photography Awards 2023 «фотографии», сгенерированной ИИ. Подмена оказалась бы незамеченной, если бы конкурсант, представивший работу на суд экспертов, не отказался от награды, заявив, что он просто желал проверить, готово ли жюри конкурса к такого рода мошенничеству. Кейс с фотографией демонстрирует, что ИИ способен заменить человека не только в рациональной деятельности, но и в креативной. Если раньше казалось невозможным, что робот «может создать симфонию или превратить чистый холст в шедевр», то теперь очевидно, что эти вопросы вполне решаемы. Новые возможности нейросетей могут привести не только к увеличению числа подлогов, но и к таким масштабным изменениям в понимании искусства и креативности, которые по степени влияния будут сопоставимы с изобретением фотографии или с возникновением массового искусства.

Современная ситуация требует изменений в подготовке специалиста, оценке его профессиональных способностей. Если в отдельных профессиях ИИ

способен заменить человека так, что их нельзя будет отличить друг от друга, возможно эти профессии (в том числе творческие) будут делегированы ИИ, а человеку стоит сосредоточиться на таких направлениях профессиональной деятельности, которые ИИ недоступны. В этом случае ИИ станет официальным помощником в написании текстов, подготовке презентаций, проведении исследований, создании иллюстраций, написании музыки и т.д. Так, уже сегодня в США большинство сделок на бирже совершаются ИИ.

Возможно, человеку следует оставить за собой роль лишь контролера качества: в таком случае не будет необходимости выдавать результаты деятельности ИИ за свои. Однако, насколько правильной будет передача в ведение ИИ вопросов творчества и резервирование за человеком рутинного контроля? Не получится ли, что по мере «очеловечивания» ИИ, повышения его творческих потенций, человек, выполняющий однообразную работу, сам будет «компьютеризироваться»?

Усиление цифрового надзора над деятельностью человека – еще один путь к тотальной регламентации и сокращению пространства свободного самовыражения. М. Эпштейн полагает, что в этих условиях «человеку придется самому стать механизмом, управлять собою с помощью компьютерной программы, чтобы соответствовать всем условиям и ожиданиям электронно вооруженного общества» [Эпштейн, 2021: 161].

Наконец, еще одна важная проблема, тесно связанная с информатизацией, касается доверия к людям и социальным группам в условиях ценностного многообразия.

Постоянное пользование интернетом способствует выработке особого типа мышления. Для того, чтобы получать релевантную информацию, человеку следует отсеять все, что не соответствует фактам. Фактически современный пользователь научился не обращать внимания на нерелевантную информацию, воспринимая ее как информационный шум. Такой отсев часто происходит автоматически, бессознательно.

Информация помимо фактического содержания содержит определенные ценности и нормы. Если факты можно проверить, то ценности и нормы верификации не подлежат. Поэтому человек выбирает из имеющихся ценностных систем ту, которая ближе и понятнее ему (в силу опыта, воспитания и т.д.). Соответственно, все, что противоречит ей (то есть, что не нравится человеку, вызывает «ценностный диссонанс»), также начинает автоматически отсеиваться как часть информационного шума.

Развитие искусственного интеллекта позволяет оптимизировать этот процесс фильтрации на программном уровне. Алгоритмы персонализации результатов поиска образуют дополнительный «пузырь фильтров», из-за чего каждый пользователь получает преимущественно ту информацию, которая подтверждает важность ценностей и норм, которые ему импонируют, и опровергает те взгляды, которые ему не нравятся.

Схожую роль играют разнообразные «инфлюенсеры», не всегда обладающие достаточными квалификацией и знаниями в сфере своей

деятельности, но умеющие завоевывать доверие аудитории, играя на ее интересах и слабостях. Как правило, они продвигают те идеи, которые самим пользователям кажутся наиболее привлекательными. Аудитория готова больше платить за те лекции, мастер-классы, тренинги, где доказывается, что единственно правильный путь к личностной самореализации и успеху – это делать то, что нравится человеку, невзирая на реакцию и давление других.

Все эти механизмы фильтрации и убеждения в совокупности создают у пользователя впечатление, что единственно правильными являются те нормы и ценности, которые соответствуют его желаниям и потребностям. Любые контраргументы и попытки заставить его делать то, чего он не желает (даже если они направлены на достижение общего блага), начинают восприниматься им как ущемление свободы и насилие над личностью. Если на человека оказывают давление, требуя ограничить свои желания, он ощущает себя жертвой несправедливой системы господства и подчинения.

В условиях сетевой коммуникации информация становится более открытой и публичной, скорость ее распространения многократно возрастает. При этом сетевой характер обсуждения позволяет поднять ту или иную проблему без участия посредников (государства, крупных СМИ). «Из социальных сетей теперь индивид черпает новости, они не производятся специальными компаниями и продвигаются не пропагандистами телевизионных каналов, а обычными людьми – соответственно, они заслуживают большего доверия в силу личного характера и отсутствия возможной ангажированности» [Веселов, 2020: 135].

В социальных сетях представители массы получают трибуну, где могут заявить о своих желаниях и обвинить государство и общество в том, что они ставят барьеры на пути реализации этих желаний, подавляют индивидуальность, нарушают права и ущемляют свободы личности. Статус жертвы позволяет найти единомышленников, готовых не только обсуждать проблемы, но и искать пути их решения. Идентификация с жертвой позволяет выйти за пределы эгоизма и выстроить новую систему моральных ценностей, в центре которой находится благо не общества, а страдающего другого, чьи желания игнорируются и подавляются. Совокупность норм, направленных против дискриминации другого, ограничения свободы выбора, всей сложившейся в обществе системы доминирования и подчинения и составляет в наиболее крайних своих проявлениях феномен «новой этики».

Новые цифровые технологии дали сторонникам индивидуалистической морали (которые ранее уже в силу своего индивидуализма не могли консолидировать свои действия) возможность объединиться в защиту тех, кто страдает от насилия представителей привилегированных групп. В совокупности таких жертв – реальных или потенциальных – оказывается больше, чем гонителей (хрестоматийных «белых гетеросексуальных мужчин»). Это позволяет борцам против дискриминации при помощи бойкотов, остракизма и других форм культуры «отмены» влиять на тех, кто высказывает мысли, оскорбляющие достоинство «маленького человека», ограничивающие его

личный выбор [Жадунова, 2023: 81-93]. Виртуальная и реальная жизнь сегодня так тесно переплетены, что результатом «отмены» в интернет-пространстве, как правило, являются негативные последствия и в реальной жизни (разрушение семьи, потеря работы, уголовное преследование и т.д.) [Коваль, 2020: 335-344].

Защита желаний другого от насилия со стороны общества, основанного на господстве и подчинении, в «новой этике» предполагает достижение не столько «общего блага» (хотя, в определенной степени, и может рассматриваться как вклад в него), сколько конкретного блага того или иного человека, которое может отличаться от блага другого. Поскольку возможны конфликты между разными пониманиями блага, людям важно не нарушать личные границы других и постоянно договариваться о действиях. «Культуре насилия» здесь противопоставляется «культура согласия», где один индивид должен дать другому явно выраженное согласие на любое вмешательство в его жизнь. В этом смысле «новая этика» является этикой индивидуалистической и противопоставляется системе морали, декларирующей приоритет коллективных ценностей над индивидуальными желаниями. Эта система глубоко укоренена в традиционной культуре и регулярно воспроизводится в кризисных ситуациях, когда необходима мобилизация людей перед лицом экзистенциальных опасностей. Терроризм, вооруженные конфликты, пандемия и другие чрезвычайные ситуации последних десятилетий потребовали существенных ограничений личных прав, значительно укрепив тем самым позиции коллективной морали.

«Пузыри фильтров» эффективно действуют в отношении сторонников не только «новой», но и «старой» этики, убеждая последних в безальтернативности традиционных ценностей и опасности любых отступлений от них. Кроме того, эта позиция находит свою поддержку у государства и ряда влиятельных институтов, которые все активнее используют возможности не только традиционных СМИ, но и социальных сетей для критики индивидуалистической морали и поддержки коллективных ценностей.

В итоге одной из тенденций в ходе цифровизации социальной жизни становится возрастающая ценностная поляризация общества, выраженная, в том числе, в жестком противопоставлении «старой» морали общественного блага «новой» этике освобождения от дискриминации. В этих условиях в обеих группах формируется сверхдоверие по отношению к тем, кто разделяет схожие ценности, и свехнедоверие по отношению к «чужим».

Заключение

Развитие информационного общества, особенно возможностей ИИ, подрывает доверие людей не только к новым технологиям, но и к другим людям и социальным группам, способствуя радикализации позиций и поляризации моральных ценностей. Общественное взаимодействие приобретает конфликтный и агрессивный характер, а общий уровень доверия людей друг к другу падает. В этих условиях важен поиск таких вариантов использования новых информационных технологий, которые способствовали бы

формированию и укреплению доверия. Для этого необходима разработка новых норм регулирования сетевых взаимодействий, предполагающая введение моральных ограничений и общественного контроля за использованием новых цифровых систем, прежде всего основанных на ИИ. Характер этих ограничений во многом зависит от того, какую именно из конкурирующих ценностных позиций должен занять субъект нормотворчества.

Как представляется, ни фиксированность на ничем не ограниченных желаниях индивида, ни призывы к подавлению желаний ради общего блага не могут стать прочной ценностной основой для новой морали информационного общества. Они направлены на отстаивание интересов целого в ущерб личному или личного в ущерб целому, и в этом смысле являются не столько моральными, сколько идеологическими системами взглядов, для которых оппозиция «друг-враг» определяет содержательную наполненность понятий «добро» и «зло», а не наоборот. Специфика морали состоит в том, что она подразумевает движение личности и общества навстречу друг другу и готовность согласовывать интересы всех заинтересованных лиц. В отсутствие такого движения отношения доверия между личностью и обществом выстроить невозможно.

Список литературы (References)

1. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 129-143. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202>.

Veslov Yu.V. (2020) *Doverie v tsifrovom obshchestve* (Trust in a digital society). *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 13. Issue 2. P. 129-143. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202>. (In Russ.)

2. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практикс, 2011.

Giddens E. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praksis. (In Russ.)

3. Жадунова Н.В., Гришнева А.А. «Новая этика»: нормальное и аномальное // Социальные нормы и практики. 2023. № 2(8). С. 81-93. <https://doi.org/10.24412/2713-1033-2023-2-81-93>.

Zhadunova N.V., Grishneva A.A. (2023) “Novaya etika”: normal'noe i anormal'noe (“New ethics”: normal and abnormal). *Social norms and practices*. No. 2(8). P. 81-93. <https://doi.org/10.24412/2713-1033-2023-2-81-93>. (In Russ.)

4. Коваль Е.А., Сычев А.А. «Новая этика»: нормотворческие перспективы // Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: Сборник трудов международной научной конференции, Саратов, 07-09 июня 2021 года / отв. ред. И.Д. Невважай. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 335-344.

Koval E.A., Sychev A.A. (2021) “Novaya etika”: normotvorcheskie perspektivy (“New ethics”: norm-creating visions). *Human world: Normative dimension – 7.0. Problem of justification of norms in various prospects: from realism to constructivism and a transscendentalism. Proceedings of the international academic conference,*

Saratov, June 07-09, 2021; Ed. by I.D. Nevvazhay. Saratov: Saratov State Academy of Law. P. 335-344. (In Russ.)

5. Перов В.Ю. Иллюзия «сверхдоверия» в контексте профессиональных этик в цифровом обществе // XIII международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2021. Этика как наука и профессия». Санкт-Петербургский государственный университет, 18-20 ноября 2021 г. Материалы конференции / Отв. ред. В.Ю. Перов. СПб.: ООО «Сборка», 2021. С. 214-215.

Perov V.Yu. (2021) Illyuziya “sverkhdoveriya” v kontekste professional'nykh etik v tsifrovom obshchestve (The illusion of “supertrust” in the context of professional ethics in a digital society). *XIII International Conference Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects – 2021. Ethics as research and profession. Saint Petersburg State University, November 18-20, 2021. Conference papers; Ed. by V.Yu. Perov. St. Petersburg: Sboraka Publ. P. 214-215. (In Russ.)*

6. Рисухин В.Н. Проблемы, вызванные сложностью систем автоматического управления полетом, и возможные пути их преодоления // Вестник Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике. 2006. № 2 (21). С. 25-28.

Risuhin V.N. (2006) Problemy, vyzvannye slozhnost'yu sistem avtomaticheskogo upravleniya poletom, i vozmozhnye puti ikh preodoleniya (Problems caused by the complexity of automatic flight control systems and possible ways to overcome them). *Bulletin of International Academy for Human Problems in Aviation and Cosmonautics. No. 2 (21). P. 25-28. (In Russ.)*

7. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.

Seligmen A. (2002) The problem of Trust. Moscow: Ideya-Press. (In Russ.)

8. Сычев А.А., Коваль Е.А., Ушкин С.Г. Социология за пределами реальности: постгуманизм и биополитика в сериале «Мир Дикого Запада» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 141-172. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1747>.

Sychev A.A., Koval E.A., Ushkin S.G. (2020) Sotsiologiya za predelami real'nosti: postgumanizm i biopolitika v seriale “Mir Dikogo Zapada” (Sociology beyond reality: posthumanism and biopolitics in the “Westworld” television series). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 6 (160). P. 141-172. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1747>. (In Russ.)*

9. Ушкин С.Г., Коваль Е.А., Яськин А.Н. Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации? // Журнал исследований социальной политики. 2022. № 3. С. 361-376. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-361-376.

Ushkin S.G., Koval E.A., Yaskin A.N. (2022) Zhit' s Alisoy: kak golosovye pomoshchniki transformiruyut praktiki kommunikatsii? (Living with Alice: how do voice assistants transform communication practices?). *The Journal of Social Policy Studies. No 3. P. 361-376. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-361-376. (In Russ.)*

10. Ушкин С.Г. Пуховик папы Римского: как нейросети сужают доверие и укрепляют дискурс постправды? // Социальные нормы и практики. 2023. № 2(8). С. 71-80. <https://doi.org/10.24412/2713-1033-2023-2-71-80>.

Ushkin S.G. (2023) Pukhovik papu Rimskogo: kak neyroseti suzhayut doverie i ukreplyayut diskurs postpravdy? (The puffer jacket of the Pope Francis: how do neural networks narrow confidence and reinforce post-truth discourse?). *Social norms and practices*. No. 2 (8). P. 71-80. <https://doi.org/10.24412/2713-1033-2023-2-71-80.2>. (In Russ.)

11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2008.

Fukuyama F. (2008) Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST. (In Russ.)

12. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.

Sztompka P. (2012) Trust is the Basis of Society. Moscow: Logos. (In Russ.)

13. Эпштейн М. Новая этика или старая идеология? // Знамя. 2021. № 8. С. 159-162.

Epshtejn M. (2021) Novaya etika ili staraya ideologiya? (New ethics or old ideology?). *Znamya*. No 8. P. 159-162. (In Russ.)

14. Awad E., Dsouza S., Kim R., Schulz J., Henrich J., Shariff A., Bonnefon J.-F., Rahwan I. (2018) The Moral Machine experiment. *Nature*. No. 563 (7729). P. 59-64.

15. Nandhakumar J., Panteli N., Powell Ph., Vidgen R. Trust in the Digital Era (2004). *Social and Economic Transformation in the Digital Era*. Hershey PA: Idea Group Inc. P. 77-94. <https://doi.org/10.4018/978-1-59140-158-2>.

Сведения об авторе

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета. Занимается изучением социокультурных проблем современности. Автор более 200 работ.

E-mail: sychevaa@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>

About the author

Sychev Andrey Anatolievich – Doctor of Philosophical Sciences, professor, professor of the philosophy department of National Research Mordovia State University. Engaged in studying contemporary sociocultural problems. The author of over 200 works.

E-mail: sychevaa@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>

Поступила 28.09.2023; одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

Сетевой электронный научный журнал

Социальные нормы и практики / Social norms and practices

2023. Номер 3.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Главный редактор: Е.А. Коваль

Информацию о журнале «Социальные нормы и практики» см. на сайте:
<https://snpractice.ru/>